

Весенний детектив

Дарья Донцова

Татьяна Устинова

Татьяна Полякова

Анна и Сергей Литвиновы

Татьяна Гармаш-Роффе

а также:

Евгения и Антон Грановские

Галина Романова

Ксения Любимова

Алла Полянская

Великолепные детективные истории

Дарья Донцова

Весенний детектив 2015 (сборник)

«ЭКСМО»

2015

Донцова Д. А.

Весенний детектив 2015 (сборник) / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2015 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-699-78248-2

Весенним днем так приятно ощутить первое дыхание теплого ветерка! И пусть до настоящего тепла еще далеко, мы уже чувствуем весеннее настроение и вовсю готовимся к одному из самых приятных праздников в календаре – женскому дню 8 марта! Самое время позаботиться о подарках для самых любимых женщин! Издательство «Эксмо» предлагает сборник «Весенний детектив», куда вошли рассказы признанных мастеров остросюжетной интриги – Дарьи Донцовой, Татьяны Устиновой, Татьяны Поляковой, Анны и Сергея Литвиновых, Татьяны Гармаш-Роффе, а также восходящих звезд этого популярного жанра. Ведь книга – по-прежнему лучший подарок!

ISBN 978-5-699-78248-2

© Донцова Д. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Татьяна Гармаш-Роффе	6
Евгения и Антон Грановские	16
Анна Данилова	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Весенний детектив 2015 (сборник)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Татьяна Гармаш-Роффе Сказки Сиреневой долины

Обожаю дни своего рождения. Обожаю месяц, в который родилась, – май. Он юн и великолепен, полон сил и обещаний счастья. Мне жаль людей, живущих в теплых странах: им не дана радость прихода весны, – ведь она едва отличается от зимы.

Некоторые говорят, что день рождения, как и Новый год, пустая формальность, которую мы сами наполняем смыслом. Так что с того! Хочешь, чтобы у тебя был праздник? Создай его. Никто не сделает это лучше, чем ты сам.

Лично я праздновала свой день рождения дважды: сначала с родителями дома, потом с друзьями (с тех пор, как они у меня появились) в каком-нибудь веселом месте. А с прошлого года я его праздную трижды. Третий – наедине с Сережей.

Сегодня мне двадцать пять. Мне нравится это число. Оно молодое, веселое, как май, но и как будто уже зрелое. Я нарочно так говорю: как будто, – потому что подозреваю: через пять лет буду чувствовать себя еще более умной и зрелой, а уж в сорок – представляете? А в семьдесят? Я стану такой мудрой, что страшно подумать!

Сережа попросил, чтобы сегодня я собрала всех у нас дома. Чтоб были и родители, и друзья. Он хочет получше со всеми познакомиться, сказал. Но я, честно говоря, подозреваю, что он собирается сделать мне предложение. Красиво и торжественно. Он тоже умеет устраивать праздники, мой Сережа, – себе и другим.

А пока у меня на голове тюрбан из полотенца – я только что вышла из душа и теперь навожу красоту перед зеркалом. Сегодня один из лучших дней моей жизни: мне двадцать пять и я счастлива.

...Нет, неправда. Я обманываю себя. День-то, конечно, один из лучших, но есть в моей жизни кое-что... Тайна, которая лишает радости, портит праздник. И с каждым годом, с каждым маем она мучает меня все больше...

Потому что это случилось тоже в день моего рождения, только семь лет назад.

* * *

– ...За твоё восемнадцатилетие, Анечка! – мама подняла бокал с шампанским. – Дорогая моя девочка, будь всегда такой здоровой и красивой, как сегодня! И чтобы больше никогда, никогда не случилось с тобой... – голос мамы дрогнул.

Вот и слезы полились.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, мамочка, – я обняла ее, – давай просто за это чокнемся.

Мама хотела сказать: «Чтобы никогда больше не вернулась к тебе болезнь». И для такого пожелания имелась веская причина: ведь до одиннадцати с половиной лет я прожила с парализованными ногами. Кровать да инвалидное кресло были единственными территориями моего обитания. Двор, школа, улицы и парки, кафе и театры, магазины и многое другое, куда ежедневно и без всяких затруднений ходили нормальные люди, – все это было не для меня. Воздухом я дышала на балконе – вывозить кресло-каталку из подъезда сущее мучение, и родители редко баловали меня настоящими прогулками. Я разнообразила, в отсутствие жизни физической, жизнь духовную: книги, музыка, кино. Компьютер, Интернет. Друзей у меня не было – я училась дома. Социальные сети тогда еще не захватили Интернет, хотя существовали какие-то форумы... Однако на них я тоже не общалась – с кем? Девчонки болтают там обо всем том, что мне недоступно.

И вдруг случилось чудо. Меня согласились положить в новую частную клинику, где работали израильские хирурги по новейшим методикам. Все отказывались от меня до сих пор – а тут такой подарок! В этой клинике не только нашли причину паралича, но и сумели меня от него избавить! Я до сих пор с изумлением вспоминаю об этом. Настоящее чудо!

– Кстати, мам, пап, а как так вышло, что израильская клиника согласилась меня лечить? Она ведь частная, да? Значит, дорогая...

Маленькая, я не задумывалась об этом. Но восемнадцать лет – возраст серьезный, и я задумалась прямо за праздничным столом, с недопитым бокалом шампанского в руке.

– Денег ведь у нас никогда больших не было. Вы приняли иудейскую веру, и я попала по какой-то программе... не знаю, благотворительной? Или вы влезли в долги? Или, не знаю, грабанили банк? – засмеялась я.

Родители молча переглянулись. Лица их стали серьезными.

– Это что, секрет? – не выдержала я.

– Н-нет... Просто...

– Да что же?!

– Все так странно, Анечка... Мы получили деньги от кого-то... Нашли в почтовом ящике тридцать тысяч долларов в конверте. В нем была записка: «На лечение Ани». И указан адрес этой клиники. Но ни подписи, ни телефона или адреса нашего благодетеля.

– Ничего себе!!!

– Мы тогда тебе не сказали, потому что ты была маленькая, в деньгах ничего не понимала. И потом, боялись, если честно. Мало ли откуда эти деньги. Вдруг какие-нибудь левые...

– Левые деньги отмывают официально, – сказала я веско, со всем апломбом своего юного всезнайства. – Вкладывают в благотворительный фонд или в какую-то коммерцию, но так, чтобы видно было. Потому что эти деньги должны стать чистенькими и уже вполне законно лечь на счета, на «правые», и крутиться дальше. И потом, тридцать тысяч – это много для нас. А для «левых» это не сумма!

«Всезнайство» мое и в самом деле было нетипичным для подростка: сказались годы, проведенные за чтением книг и статей. Даже после того, как я начала ходить и учиться в обычной школе, свободное время отдавала самообразованию. Наверное, я по природе любознательна. Мне хочется больше знать о мире: только так можно почувствовать, какой он огромный. Есть мир обычный, в котором мы живем; есть тот, что виден лишь в телескоп или, наоборот, в микроскоп. Когда ощущаешь, как расширяются в твоём сознании границы мира, то будто и твоя душа становится больше, и дышишь глубже... Я интересовалась всем подряд: открытиями в астрономии, физике, медицине, компьютерными технологиями, статьями по экономике и политологии и еще уймой всяких увлекательных вещей. Читала я так много, что знания сами по себе осели в мозгу.

– Возможно, – неуверенно согласился папа. – Хотя по тем временам это была очень большая сумма, у нас даже от нее немного осталось после твоей операции... Но теперь это не имеет значения. Деньги предназначались для твоего лечения, и мы тебя вылечили.

– Только до сих пор не знаем, кому спасибо сказать! – мама снова разрыдалась.

А меня вдруг словно электрическим разрядом пробило: Фея!

– Знаете, родители, а у меня ведь тоже был от вас секрет... И почему-то мне кажется, что оба секрета связаны. Когда мне было одиннадцать лет, ко мне прилетела Фея...

...Апрель перетекал в май, вокруг разгоралась весна. Желтые звездочки одуванчиков усеяли зазеленевшие газоны. Я всего лишь один раз в жизни держала в руках их нежные, шелковистые венчики – папа мне нарвал. Помню, испачкала нос в желтой пыльце, а потом мы смеялись с родителями, когда они дали мне зеркальце.

Я сидела на балконе – «гуляла». То есть жадно втягивала ноздрями терпкие ароматы оттаявшей земли, пробившейся травы, набухших почек... И подставляла лицо уже жаркому солнцу, стараясь не смотреть во двор на весело бегающих и кричащих детей – детей, у которых имелись ноги. Конечно, я завидовала и расстраивалась. Иной раз плакала. Хотя уже тогда понимала: не поможешь горю слезами. Надо учиться жить с этим. Вернее, без этого. Без того, что есть у всех. Без ног.

Некоторые дети знали, что я, инвалид, сижу на балконе и смотрю на них с завистью, и нарочно дразнили меня. Один мальчишка откровенно кривлялся под моим балконом, корча рожи. Остальные, наоборот, делали вид, что о моем существовании не подозревают, но играть они приходили именно под мой балкон, будто во дворе не было другого места. Они хотели, чтобы я видела их, завидовала и плакала. Они хотели, чтобы мне было больно... Им от этого становилось радостнее бегать, видимо. На здоровых ногах.

Я не заметила, каким образом на перилах балкона оказалась премилая куколка. Увидев ее, я оторопела. Она сидела на перилах – как сидят люди, согнув ноги. У нее были фиолетовые волосы, покрытые легкой сеточкой с блестками, и нарядное платье, белое с сиреневым узором на подоле, тоже с блестками. Размером она была немного больше Барби, только на спине – крылышки.

Сначала мне стало не по себе, даже страшно – в сказки я уже почти не верила, и появление этой куклы у меня на балконе восприняла подсознательно не как чудо, а с опаской, как чужое вторжение. Но куколка сидела мирно, улыбалась. Личико у нее было красивое и приветливое.

– Ты кто? – спросила я шепотом.

– Фея, – ответила она мне тоже шепотом.

Я не ожидала от куклы ответа и отпрянула.

– Не бойся, – шепнула она. – Я просто в гости. Ты не против?

Голос у нее был какой-то... Мультишный, что ли. Одновременно детский и хрипловатый, и еще будто она улыбалась, говоря со мной, хотя рот ее не двигался. Да и как он мог двигаться у куклы? Чего-чего, а уж кукол у меня имелось в изобилии... вместо подружек. И не было еще такого, чтобы кукла со мной говорила. Обычно за нее говорила я, изображая диалог.

Тем не менее тогда я не очень удивилась. Дети, как я понимаю теперь, живут в мире, где сказка существует в симбиозе с действительностью. Они уже знают, что сказки – вымысел, но все равно немножко в них верят.

Я покачала головой – мол, не против.

– А ты правда фея?

– Разве я не похожа?

– Я не знаю, как выглядят феи. В разных книжках их рисуют по-разному. Но мне кажется, у тебя должен быть остроконечный колпак. Со звездочкой на конце.

– Ты же сама сказала, что феи везде разные. Я фея без колпака, – она тихо засмеялась. – Зато у меня маленькие звездочки на вуали, видишь?

– А можно мне тебя взять в руки? Чтобы получше рассмотреть?

– Нет, в руки – нельзя. Давай я сяду к тебе на колени, а ты просто прильни глаза.

Фея вспорхнула и перелетела с перил на мои неподвижные колени, а я наклонилась к ней. У нее действительно были крошечные звездочки на сеточке, которую она называла вуалью.

– А как тебя зовут?

– Фея, так и зовут.

– А меня – Аня.

– Я знаю. Ведь я Фея.

– А волшебная палочка у тебя есть?

– Нет... – грустно сказала Фея.

- Жалко, – вздохнула я. – Если б была, ты смогла бы вылечить мои ноги.
- Может, мне удастся ее вернуть. И тогда я помогу тебе.
- А как? – у меня загорелись глаза. – Кто у тебя ее отобрал? Расскажи!
- Это длинная история, Аня...
- Все равно расскажи! Мне ведь торопиться некуда...
- Хорошо. Но не за один день. Я буду навещать тебя и понемножку рассказывать...

Только с одним условием: родителям ни слова!

Я не удивилась: ведь Карлсон, который живет на крыше, тоже просил Малыша не говорить родителям. Они, видимо, все так делают.

Рассказы Феи оказались невероятно увлекательны и немного печальны. Она открыла мне мир Сиреневой долины – так называла его Фея, – который был похож на людской. Там тоже ссорились, мирились, дружили и предавали, влюблялись и расставались... Там волшебную палочку выдавали в награду за добрые дела – а за проступки отнимали. Ничего не разрешалось сделать для себя с ее помощью, даже мороженое получить. Она предназначалась для серьезных вещей, и пользоваться ею ради собственной выгоды строжайше запрещалось! За всем следил главный Маг, и был он очень строг...

Надо же, а я мечтала (как, наверное, все дети) заполучить ее как-нибудь, взмахнуть и попросить для «собственной выгоды»... Не мороженое, конечно, а чтобы ноги начали ходить.

Мир, который разворачивался передо мной в рассказах Феи, оказался ничуть не проще и не радужнее мира людей. Несмотря на то что у нее имелись не только ножки, но еще два крылышка и моторчик, который тихо жужжал, когда она летала, – она была тоже несчастна. Она рассказала мне историю, как коварная подружка выкрала у нее волшебную палочку и попросила себе много вкусных вещей и нарядных платьев, – а потом все свалила на мою Фею. Ее лишили палочки и наказали. Поэтому Фея не может мне пока помочь с ногами...

Это стало для меня потрясением. И, пожалуй (несмотря на долю разочарования), со знаком плюс: я стала чувствовать себя не такой уж обделенной, как раньше. Возможность ходить (и даже летать), поняла я, еще не гарантирует счастья. Иной раз, слушая рассказы о Сиреневой долине, я жалела свою маленькую подружку-фею больше, чем себя. И постепенно моя печаль, мое одиночество будто уменьшились в размерах, перестали быть исключительными...

На день рождения она подарила мне крохотный флакон из цветного стекла, невероятно красивый, с цветочным нектаром из Сиреневой долины. А я на ее день рождения, в июне, сшила остроконечный колпак из плотной бумаги, покрасила его серебряной краской, прикрепила крохотную звездочку к концу, а снизу продела тонкую резинку, чтобы колпак держался на головке Феи. Ох, как она была рада! Она даже полетала немножко вокруг меня, расправив крылышки и жужжа моторчиком, а потом попросила зеркальце и долго любовалась собой, поворачивая головку вправо-влево...

Иногда Фея спрашивала меня про болезнь. Я ей рассказывала все – у меня не было секретов от моей волшебной подружки. А однажды она попросила меня дать ей рентгеновский снимок моих ног. В Сиреневой долине есть свой врач-эльф, сказала Фея. Он посмотрит на снимок и что-нибудь дельное посоветует, потому что он очень-очень хороший врач!

Я проделала в снимке дырочку и прицепила его булавкой к поясу ее платья. Через три дня Фея его вернула, и я положила снимок на место. Родители ничего не заметили.

– Наш врач-эльф сказал, что твою болезнь можно вылечить, Аня. Проблема только в том, что ты не можешь попасть в Сиреневую долину. Надо найти здесь, в Москве, такого специалиста, который умеет лечить по-эльфийски...

- А как его найти? Надо маму с папой попросить, чтобы...

– Не надо, – строго перебила меня Фея. – Мы ведь договорились, что это секрет! Я сама поищу такого.

Она прилетала ко мне всю весну и все лето. А в начале осени родители объявили, что мы едем к врачу. Очень хорошему врачу, который, наверное, сможет мне помочь. Фея очень обрадовалась за меня.

– Расскажи ему все, что рассказывала мне. Это очень важно, ничего не упусти!

– Это ты помогла, да? Ты его нашла?

Фея молчала.

– Ну признайся!

– Ну, я немножко поколдовала... – смущенно произнесла она.

– Тебе вернули волшебную палочку?!

– Нет еще... Просто мы все, обитатели Сиреновой долины, можем немножко колдовать даже без нее. Ну, чуть-чуть.

– Как жалко, что с тобой нельзя обняться... – Я поцеловала свой мизинчик и приложила его к щеке Феи. – Мама говорит, что мне предстоит операция...

– Ты боишься?

Я помотала головой. Я действительно не боялась – я хотела, чтобы мои ноги начали ходить. Я бы все отдала за это, даже боль вытерпела бы.

– Завтра перед поездкой в больницу открой бутылочку с нектаром и выпей его.

Я так и сделала следующим утром. Настроение у меня стало совсем хорошим, и в больницу я приехала с чувством абсолютной уверенности, что выйду из нее на своих ногах.

В клинике я провела неделю. Вышла я не на своих ногах, но они уже стали двигаться! Мне предстоял долгий путь восстановления атрофированных мышц и чего-то там еще, – но врач обещал, что все у меня получится!

Я так ждала встречи с Феей, так хотела поделиться с ней своей радостью... Но она больше не прилетала ко мне. Первое время я ее ждала постоянно, но она все не появлялась. А вскоре меня захватила новая жизнь. Я смогла гулять, потом ездить на велосипеде и плавать. У меня появились друзья. И потихоньку мои разговоры с Феей стали казаться мне плодом моего одинокого воображения...

...И вот в день совершеннолетия, за праздничным столом, воспоминания нахлынули на меня. Перебрав в памяти все детали и подробности, я вдруг отчетливо поняла: нет, это не фантазии несчастной больной девочки! Куколка была, она реально существовала!

И я рассказала о Фее родителям.

Они моему рассказу не поверили. А чего я ждала, собственно? Я бы и сама на их месте не поверила... Я почти жалела сейчас, что сдержала слово, данное Фее, и не рассказала о ней родителям тогда, в одиннадцать лет. И не показала. Если б они увидели ее хоть разочек, то сейчас я бы не выглядела дурочкой, запутавшейся в детских фантазиях.

С другой стороны, родители бы разволновались, – ведь они в сказки уже давно не верят, – и все бы испортили. Может, даже разобрали бы куколку, чтобы посмотреть, что там у нее внутри... Меня всю передернуло от этой мысли. Фея не зря велела держать все в секрете...

Но она была, была! И я должна понять, откуда она взялась. И сказать кому-то огромное-преогромное спасибо.

И я принялась размышлять.

Итак, куколка прилетела ко мне на балкон. Не сама, конечно, – ее кто-то отправил ко мне по воздуху. Иными словами, она была радиоуправляемая. То есть кто-то ею управлял.

Этот кто-то знал обо мне... О девочке-инвалиде, гулявшей на балконе и плакавшей, глядя сквозь прутья решетки вниз, во двор, на здоровых детей... Дразнивших ее.

Кто-то эту девочку пожалел. Но не просто вздохнул: бедный ребенок! – а решил помочь. Развлечь, отвлечь, скрасить жизнь с помощью говорящей куклы и чудесных сказок. Говорил со мной, конечно, тот человек, который ее сделал. По мультяшному голосу (измененному с помощью специальной программы, я знаю, такие существуют!) невозможно определить, мужчина это или женщина, но одно ясно: это взрослый. Подростки слишком заняты собой. Да и непросто летающую куклу сконструировать, для этого нужны технические знания... Так что взрослый и, скорее всего, мужчина.

Точно, мужчина! И дело не только в технической стороне. Женщина сделала бы для Феи (точнее, для меня, для девочки) платье с оборочками-рюшечками, крылышками-воланчиками. Да и расцветку выбрала бы поярче. Фиолетовые волосы и белое с сиреневым платье выглядели строго, суховато.

Так, вот уже кое-что. Далее: он живет поблизости. Иначе как бы он обо мне узнал? Он видел меня. Причем часто. Откуда следует...

Ой, это же так просто! Его окно выходит на наш балкон! То есть он живет... или жил тогда в одном из двух домов напротив. Вот только в каком именно?

Я обежала глазами окна. Их так много... И у меня нет ни одной идеи, как вычислить среди них того, кто помог мне!

Помог. Лишь сейчас я поняла, как сильно помог. Он изменил мой мир, он внес в него краски и эмоции, которых мне так не хватало. Он сделал меня сильнее. Научил жалеть других больше, чем себя... А ведь только так люди обретают силу. Об этом говорят все мудрецы, я знаю, я читала.

Боже, я должна его найти, должна поблагодарить! Но как?!

Я чувствовала, как горят мои щеки от волнения. Мне хотелось действия, но я не знала, как действовать. Не обходить же все квартиры домов напротив. «Здрасьте, я ищу того, кто смастерил для меня Фею»? Так я, пожалуй, окажусь в психушке раньше, чем закончу обход...

Поход с подружками в дискотеку я отменила, хотя там предполагалась вторая часть моего великого праздника, моего совершеннолетия. Однако все мои мысли теперь были заняты Феей – не до танцев.

Бесплодно промаявшись до ночи, я легла спать, однако сон не шел. Я чувствовала, что сама не продвинусь дальше, что мне нужна чья-то помощь, подсказка. Но кого об этом попросить? Родители мне не поверили, друзья – те и вовсе засмеют.

Только под утро я задремала, и приснилось мне, что я листаю толстый том с пожелтевшими страницами... Я проснулась, села на кровати рывком. Оглядела свою комнату... Желтые страницы! Справочник!

Я схватила его, с трудом удерживая двумя руками. Но что в нем искать?

Я листала его до тех пор, пока не наткнулась на раздел «Частные детективные агентства». И тогда поняла, в чем состояла подсказка: нужно просить помощи у частного детектива!

Первым в списке стояло детективное агентство «АКИС».

Мне ответил мужской голос. И я вдруг растерялась: как об этом рассказать?

– У меня... Однажды у меня приключилась такая история... Даже не знаю, как сказать, – невразумительно бормотала я.

– Да просто скажите, как было. А еще лучше приезжайте ко мне в офис, на месте разберемся, – ответил мне мужчина.

– Мне только совет нужен... Даже советик, совсем маленький...

Собравшись с духом, я наконец рассказала ему про Фею, уместив в несколько предложений историю длиной в пять месяцев.

– Давайте я к вам подъеду, Аня. Сориентируюсь на местности. Меня, кстати, зовут Алексей Андреевич. Диктуйте адрес.

– Боюсь, что родители меня не поймут... Хотя знаете что? Я прогуляю сегодня институт. Приезжайте прямо сейчас, можете? Они уже ушли на работу.

Детектив приехал ко мне через час. Симпатичный такой мужик, по возрасту как мой папа или чуть старше. И глаза добрые, как у папы.

Он вышел на балкон, осмотрелся. Затем попросил меня подробнее рассказать о том, какие движения могла совершать Фея.

– Только летать и сидеть. Руками она не двигала, насколько я помню. А, еще она головку умела поворачивать! Как-то я ей колпачок подарила, я его сама смастерила из картона, – и она смотрелась в зеркальце...

– В комнату она никогда не залетала?

Я покачала головой.

– Я ее приглашала, но она отказалась. Не знаю почему.

– Там радиосвязь могла нарушиться, вот почему. А сидела она всегда на перилах?

– Нет, она в первый же день пересела ко мне на колени, и я была этому рада: не хотела, чтобы дети со двора увидели ее на перилах. Они были вредные, – усмехнулась я, вспомнив, как пытались ухаживать за мной те мальчишки, когда я уже научилась гонять на велосипеде.

– Так-так... Ну что ж, Аня, давай рассуждать дальше. Ты, кстати, молодец, правильные выводы сделала.

– Да, но дальше никак не получается...

– Сейчас вместе будем думать. Итак, ты живешь на восьмом этаже. Напротив твоего дома две двенадцатиэтажные башни. Человек, который наблюдал за тобой, должен жить выше, – иначе бы он не смог приземлить куклу тебе на колени или обвести ее вокруг тебя «на радостях» от твоего подарка. У него должен был быть хороший обзор.

– Как на сцене!

– Вот-вот. Значит, отсчет начинаем с девярых этажей двух башен. Хотя нет, погоди... Они располагаются немного ниже твоего дома, мне не показалось?

– Не показалось! Эти дома действительно стоят чуть пониже! Тогда начинаем с десятых этажей?

– Думаю, стоит рассматривать одиннадцатые-двенадцатые. Теперь решаем следующую задачу: радиоуправляемые игрушки не работают на расстоянии больше ста метров. Не знаю, какова была дальность управления семь лет назад, возможно, меньше... Но дома стоят не рядом, один метров на двадцать дальше другого.

– Здорово! Значит, остается только вот эта башня, которая поближе? – я указала рукой.

– Думаю, она, – кивнул Алексей Андреевич. – До нее метров семьдесят, а то и меньше, так что подходит.

– На этаже восемь квартир, на двух – шестнадцать. Ура! Шестнадцать – это не так страшно, их можно обойти за пару дней... Спасибо вам!!! Огромное!!! Сколько с меня?

Детектив качнул головой и направился к выходу.

– Удачи, Аня! – крикнул он, закрывая за собой дверь.

А я кинулась в башню напротив.

...Я сразу узнала его. По выражению глаз: в них было столько радости, сумасшедшей радости видеть меня!

И любви.

Я стояла на пороге, не в силах вымолвить ни слова, а он сидел и смотрел на меня снизу вверх, держа сильные руки на колесах инвалидного кресла.

– Простите... – промямлила я наконец. – Я оши... Я не в ту квартиру попала, извините, – проговорила я и, быстро повернувшись, нажала на кнопку лифта. Кабина все еще стояла на последнем этаже, двери сразу раскрылись. Я ступила в лифт с бьющимся сердцем, щеки мои пылали, – я чувствовала: он замер на пороге своей квартиры, надеясь, что я вернусь...

Но я не вернулась.

Я осуждала себя за трусость, но этот молодой парень, он... Он влюблен в меня все эти годы, тут к гадалке не ходи: все сказали его глаза. А что я могу ему дать взамен? Я ведь пришла просто сказать спасибо, – оправдывалась я перед собой, – а он надеялся, что я разыскала его для... Не знаю, но влюбленный человек ждет любви в ответ. А я...

Я не могу. Я не могу ему помочь, как когда-то помог мне он. Я больше не хочу инвалидного кресла!!!

Это было ужасно. Я чувствовала себя виноватой. Я ведь даже не сказала ему спасибо... И не спросила насчет денег... Два дня назад я была уверена, что Фея и мое чудесное исцеление связаны между собой, что деньги в нашем ящике оставил тот же человек, который смастерил для меня куколку. И за это следует сказать хотя бы огромное-огромное спасибо.

Но теперь я засомневалась: разве жил бы богатый человек в старой двенадцатиэтажной башне?

Секрет остался неразгаданным. А я – неблагодарной эгоисткой.

Я плакала всю ночь. Но так и не вернулась в ту квартиру.

* * *

И вот сегодня мне двадцать пять. Со дня моего совершеннолетия прошло семь лет, в которые я перестала выходить на наш балкон. Я знала: он ждет меня. Он годами смотрел на меня, жил мною... Как когда-то я сама жила сказками Феи, – его сказками. Мне было стыдно, я чувствовала себя почти преступницей, но ничего не могла с собой поделаться. Этот парень любит меня, и ему нужно больше, чем мое спасибо. Только мне нечего ему дать...

За эти годы я чуть не вышла замуж – только для того, чтобы переехать в другое место, чтобы избавиться от невидимого взгляда, любящего и печального... Тогда в его глазах была радость, но я знаю: я эту радость убила. И теперь его глаза наверняка полны печали...

Нет, я не сделала такой ошибки – замуж ради переезда. Я ждала свою любовь. И дождалась. Скоро мы с Сережей поженимся и будем счастливы. И я перееду в квартиру, которую мы уже присмотрели. А тот парень в инвалидном кресле... О господи, как же тяжело!

Я посмотрела на себя в зеркало. Мое отражение показалось мне ужасным. Воспаленные глаза, бледность... Так и должны выглядеть люди с нечистой совестью.

Я бросила пудру, сорвала тюрбан-полотенце с головы, наспех причесалась, оделась и выскочила из дома.

Знакомый подъезд, последний этаж, кнопка звонка. Я набрала побольше воздуха в легкие. Я обязана хотя бы сказать этому человеку спасибо, обязана!

Дверь мне открыла красивая пожилая женщина. Глаза у нее были немного грустные. Она посмотрела на меня и отступила молча, предлагая мне войти.

– Здравствуйте, я хотела...

– Заходи, Аня.

– Вы знаете, как меня зовут?

Женщина не ответила, жестом пригласив меня в большую комнату. Парня в инвалидном кресле не было видно. Может, он спрятался в соседней комнате? Чтобы не встречаться со мной?

– Долго же ты шла к нам... – покачала головой женщина.

И вдруг я подумала, что он умер!

Слезы выступили у меня на глазах.

– Простите меня... – всхлипнула я. – Я просто не посмела... Духу не хватило...

Женщина лишь вздохнула.

– Вы его мама, да?

– Надежда Сергеевна, – кивнула она.

– А он... Он... где?

– Виктором его зовут. Подожди пару минут. Если бы я знала, что ты придешь сегодня, я бы ее приготовила...

Я не отважилась спросить, о чем речь.

Она вернулась минуты через три, держа в руках что-то прямоугольное, как коробка конфет, завернутое в бумагу. На мой вопросительный взгляд она сухо кивнула:

– Разворачивай.

Это была книга. На английском языке.

– Если ты не читаешь по-анг...

– Читаю. Я иняз окончила.

«СКАЗКИ СИРЕНЕВОЙ ДОЛИНЫ» называлась она. Автор – Виктор Матвеев. С фотографии смотрел на меня он, тот самый парень, с грустными и ласковыми глазами.

Я открыла книгу. На титульном листе от руки написано размашистым почерком: «Аня, будь счастлива!»

Дальше шло предисловие издателя. «Однажды Виктор увидел на балконе дома напротив маленькую девочку в инвалидном кресле...»

Я снова набрала побольше воздуха в легкие, чтобы не плакать.

«...И тогда он решил смастерить для нее летающую куклу, которую он назвал Феей...»
Рядом с этим текстом я увидела фотографию своей чудесной подружки.

«...Он стал сочинять для девочки сказки, которые и легли в основу этой замечательной книги...»

Я с трудом удерживала слезы. Принялась листать книгу дальше, чтобы не читать слова, которые вызывали во мне столько воспоминаний и столько неожиданной боли. На второй странице предисловия мелькнула фотография колпачка, который я смастерила для Феи...

А на третьей – фотография с подписью: «Знаменитый сказочник с женой и детьми». Красивая женщина, двое хорошеньких пупсиков-близняшек... Виктор стоял рядом с ними. Стоял!

– Он вылечился?! – обрадовалась я.

И подумала, что на месте этой женщины могла быть я. Если б в тот день я не сбежала...

– Можно и так сказать. У него бионические протезы. Это, если ты не знаешь...

– Знаю.

«...Книга Виктора Матвеева переведена на двадцать два языка...»

Я перевернула страницу. «Моей маленькой Фее» – стояло перед текстом посвящение.

– Фее?..

– Тебе. Ты была для Вити если не феей, то уж музой точно.

– Значит, он уехал в Америку? – всхлипнула я. – Книга издана там...

– Его отец, мой бывший муж, был богат. Но скуп. Однажды он все-таки дал значительную сумму на лечение Вити, однако мой сын предпочел подарить эти деньги тебе... – ровным голосом говорила его мать. Но нейтральная ее интонация не обманула меня: она не простила мне малодушия.

– Родители мне тогда ничего не сказали... Я потом сообразила, несколько лет спустя...

– Да. И пришла к нам... Наверное, поблагодарить собиралась, – холодно произнесла Надежда Сергеевна.

«Но сбежала». Этого она не сказала, но фраза будто повисла в воздухе.

– Витя считал, что вылечить его смогут только за границей, где уже начали работать с бионикой, – продолжала Надежда Сергеевна, – но отцовские деньги не покрывали поездку, операцию и протезы. А для тебя эта сумма была достаточной. Он все знал о тебе и изучал возможности твоего излечения... Если это может тебя утешить, я не держу на тебя зла. А уж Виктор – тем более. Ты очень скрасила ему несколько лет. Сначала он заботился о тебе, сочиняя сказки, а потом жил твоим счастьем. «Мама, смотри, Аня ходит!» – кричал он мне, когда впервые увидел тебя на улице...

Я плакала, уже не таясь.

– Не стоит реветь. Ты помогла Вите даже своим побегом. Он несколько лет жил тобой и, конечно, полюбил тебя. Думаю, ты догадалась об этом, потому и сбежала, – продолжала мать все тем же ровным холодным голосом. – Но в том же году умер Витин отец. Сын унаследовал очень большую сумму и решил уехать. Подальше от тебя... Шучу. Он решил вылечить. И поскольку Витя отлично владел английским, то решил ехать в Штаты. А там, как видишь, жизнь его сложилась наилучшим образом. И всего этого с ним не случилось бы, если б не ты. Убегая от тебя, он рвался вперед. Написал книгу сказок, женился, разбогател... Я не имею в виду наследство, что он сам деньги заработал, гонорары. Так что я тебя простила. А Виктор – он никогда на тебя и не сердился. Он тебя понимал. Говорил, что ты не можешь вернуться к инвалидному креслу... Его креслу. Ты тоже убегала от него, рвалась вперед. Надеюсь, что и твоя жизнь сложилась удачно.

Она умолкла. И я не нашла что сказать.

– Теперь ты знаешь все, Аня. Прощай.

И она распахнула передо мной дверь.

Евгения и Антон Грановские

Незримый помощник

1

Черные пальцы вдавили темный волос в пластилиновую фигурку.

– Ой бокор ноцо волт... – проговорил женский голос. – Ой бокор ноцо волт...

Голос звучал негромко, но гулко, и тембр его был так странен, что казалось, будто где-то вдали ему вторят деревянные барабаны джембе.

– Ой бокор ноцо волт... – черные руки положили человеческую фигурку на стол. – Ой бокор ноцо волт...

Бум-бум-бу-ду-бум, – ударили в отдалении невидимые барабаны. Черные пальцы вынули из фарфоровой чаши длинную иглу.

– Ой бокор... ноцо волт...

Игла взвилась над пластилиновой фигуркой, подобно хищной осе с гигантским стальным жалом...

Рассерженный мужчина в майке и в штанах-трениках, небритый, чуть припухший от злоупотребления алкоголем, ругаясь и чертыхаясь себе под нос, медленно поднялся по ступенькам и остановился перед железной дверью квартиры номер сто два. Держась за грудь, он перевел дух. Потом поднял руку и нажал на красную кнопку электрического звонка.

Из глубины квартиры донесся мелодичный перезвон. Мужчина убрал руку, выждал немного, затем снова хотел позвонить, но не пришлось. Сухо лязгнул замок, и железная дверь приоткрылась.

Человек, открывший дверь, был невысокого роста, лысоватый, но моложавый, имел аккуратную, ухоженную бородку и был одет в дорожный халат голубовато-серой расцветки.

– Чем могу быть полезен? – сухо, но вежливо осведомился он.

– Полезен? – мужчина в трениках сжал кулаки. – Я тебе скажу! Ты меня заливаешь!

– Что? – не понял человек в халате.

– Я говорю: заливаешь ты меня! – прорычал мужчина в трениках. – Я твой сосед снизу! Под ноги-то посмотри – плаваешь уже!

Человек в халате посмотрел себе под ноги. Вода, просочившаяся сквозь щель под дверью из ванной комнаты, образовала у его ног лужу. Человек в халате попятился от лужи и пробормотал:

– Что за ерунда?

– Вот я тебя хочу спросить: что за ерунда? – еще больше рассердился мужчина в трениках.

– Ой бокор ноцо волт...

Зловещий шепот заклинания был монотонен и бесстрастен, и так же монотонно и бесстрастно били в неведомом далеке барабаны джембе. Длинная сверкающая игла спикировала на пластилиновую фигурку и вонзилась ей в левый глаз...

– Простите... – промямлил человек в халате. – Кажется, я...

Он вдруг осекся и пошатнулся. Мужчина в трениках снова хотел выругаться, но вдруг замер, уставившись на лицо человека в халате, даже не на лицо, а на его глаза, поскольку с

глазами этими происходило что-то неладное и даже жуткое. Белки стали стремительно темнеть, как бы заливаясь чем-то багровым. Продолжалось это несколько секунд, а потом тонкие струйки крови брызнули из внутренних уголков глаз и потекли алыми дорожками по бледным щекам.

– Мужик, ты чего? – хрипло пробормотал мужчина в трениках, испуганно пятясь от двери.

Человек в халате вскинул руки к лицу и закрыл глаза ладонями. Кровь просочилась между его пальцев, а из приоткрытого рта вырвался громкий, горестный стон.

Черная рука выдернула иглу из правого глаза пластилиновой фигурки. И снова блестящее жало взвилось в воздух, выбирая себе новую цель для удара. Секунда – и оно устремилось в грудь пластилиновой фигурки, избрав своей мишенью сердце...

Мужчина в халате вздрогнул, издал страшный, хриловатый полукрик-полувздых, а затем рухнул на мокрый пол прихожей как подкошенный.

– Мужик, ты чего?! – испуганно воскликнул мужчина в трениках, продолжая пятиться от раскрытой двери. А затем резко повернулся и бросился вниз по ступенькам, спотыкаясь, бормоча под нос проклятия и не заметив, что потерял тапку.

2

Полковник Жук, седовласый, аккуратно причесанный, с щеточкой ровно подстриженных седых усов над твердой верхней губой, обвел своих подчиненных спокойным взглядом и сказал:

– Вы, вероятно, уже слышали о загадочной смерти депутата Бобышева?

– Так точно, товарищ полковник, – отозвался капитан Данилов, невысокий, ладно скроенный оперативник, одетый в щегольской пиджак.

– Об этом по всем телеканалам твердят, – поддакнул капитан Волохов. Рослый, широкоплечий, с огромными руками, Волохов походил на рыжего медведя, невесть как забредшего в здание ГУ МВД.

Полковник Жук кивнул и устремил спокойный, бесстрастный взгляд на майора Любимову.

– Мария Александровна, боюсь, что вам придется отложить отпуск на пару дней.

– Я это уже поняла, – сказала Маша. – Что известно на данный момент?

– Тело Дмитрия Олеговича Бобышева было обнаружено в Люберцах, в скромной однокомнатной квартире. Полицию вызвал сосед снизу. При осмотре у Бобышева найдены признаки глазного кровотечения.

Данилов и Волохов переглянулись.

– Жуть, – пробасил Толя Волохов.

– В этой же комнате были обнаружены остатки сушеных трав, родина которых – Африка и Карибы, – продолжил начальник отдела. – В прессе усиленно муссируются слухи о том, что Бобышев был убит и за убийством этим стоят представители так называемой коммерческой магии.

Полковник замолчал, то ли для того, чтобы перевести дух, то ли для того, чтобы предоставить подчиненным возможность задать наводящие вопросы, и майор Любимова уточнила:

– Причина смерти Бобышева установлена?

– Да, – ответил начальник отдела. – У него в крови обнаружен вирус лихорадки Эбола.

Стас Данилов хмыкнул, Волохов нахмурился, а Маша удивленно приподняла брови.

– Андрей Сергеич, но, насколько я знаю, это очень редкая болезнь, и встречается она только на Африканском континенте?

– Вы правы, Мария Александровна. – Полковник Жук положил на стол карандаш, который до сих пор вертел в пальцах. – Вирус Эбола передается при прямом контакте с кровью, выделениями или другими жидкостями организма инфицированного человека, – продолжил он после паузы. – Специального лечения или вакцины против нее до сих пор не существует, а смертность составляет восемьдесят процентов.

– И откуда эта гадость взялась в наших краях? – озадаченно пробасил Волохов.

– На этот вопрос придется ответить вам, – сказал полковник. – Эпидемиологи и карантинные службы уже подключились к работе. Ваша задача – выяснить все обстоятельства смерти депутата. Мария Александровна, вы назначаетесь старшей. Задача ясна?

– Да, Андрей Сергеевич, – ответила майор Любимова.

Полковник Жук взял карандаш со стола, посмотрел на него и положил обратно. Поднял взгляд на трех оперативников.

– Хочу кое-что добавить. Дело в том, что информация о лихорадке Эбола пока не разглашается, дабы не посеять среди людей панику. На этом пока все, идите, работайте.

3

Маша Любимова устремила взгляд на экран компьютера.

– Дмитрий Олегович Бобышев, – произнесла она вслух. – Информации много. Сорок восемь лет, женат, имеет двух детей. Последние полтора года посвятил тому, что воевал с мракобесием. Прямо-таки объявил крестовый поход против разного рода колдунов, магов и экстрасенсов.

– Маш, – заговорил Стас Данилов, целясь смятой в комок бумажкой в урну, стоящую в углу, – я, конечно, понимаю, что африканские сушеные травы наводят тебя на разные экстравагантные мысли, но...

В дверь постучали.

– Да! – отозвался Стас, прервав фразу, и метко швырнул бумажный шарик в урну.

Дверь открылась, и в кабинет вошел темноволосый худощавый мужчина в плаще.

– Всем привет! – иронично прищурившись, поздоровался он.

– Привет, Глеб! – с добродушной улыбкой пробасил в ответ Волохов.

А Стас посмотрел на вошедшего хмурым взглядом и неприязненно проговорил:

– Корсак? Какого черта тебе здесь нужно?

– Спокойно, Стас, не нервничай, – осадила коллегу Маша. – Глеб зашел отдать мне ключи.

– Давно было пора, – угрюмо сказал Стас. – Маш, если этот тип снова будет тебя доставать, скажи мне, и я...

– Вижу, ты по мне соскучился, – весело сказал ему Глеб, окинув быстрым, профессионально-любопытным взглядом кабинет оперативников.

– Угу, – огрызнулся Стас. – Как топор по плахе.

Взгляд Глеба упал на раскрытую папку, лежащую на столе у Стаса.

– Занимаетесь делом Бобышева? – спросил он.

Стас быстро захлопнул папку.

– А тебе-то что?

– Я делал с ним интервью неделю назад, – сказал Глеб. – Вы уже слышали про порчу?

– Про что? – не понял Волохов.

Глеб прошел в кабинет, швырнул кожаную сумку на стул, а сам сел в кресло.

– Вы, конечно, слышали про фирму «Незримый помощник», – проговорил он, обращаясь ко всем сразу. – В ней работали экстрасенсы, которые продавали свои «услуги» населению страны. Люди звонили им и просили помочь в решении проблем. И экстрасенсы помогали – причем не выходя из офиса, прямо по телефону. Кому-то нужно было приворожить жениха, кому-то – получить кредит в банке, кому-то – продвигнуться по карьерной лестнице. Всем этим страждущим и помогала фирма «Незримый помощник». И, конечно, не бесплатно.

– Отличный бизнес, – усмехнулся Волохов.

– Да, очень доходный, – кивнул Глеб. – На проведении «магических ритуалов» эти прохвосты всего за несколько месяцев заработали больше ста миллионов рублей. Депутат Бобышев инициировал судебное разбирательство, обвинив фирму в мошенничестве. Однако доказать факт мошенничества оказалось сложно. Во время конфликта с Бобышевым владелец фирмы, некий «экстрасенс высшего уровня» Сателиан Мун (он же – Станислав Маневич), поклялся, что отомстит Бобышеву, и проклял депутата.

– Что сделал? – не понял Волохов.

– Проклял, – повторил Глеб. – Или, попросту говоря, наслал на него порчу.

– Ты думаешь, что смерть депутата Бобышева – результат этого проклятия? – уточнила Маша.

– Я считаю эту версию вполне вероятной, – пожал плечами Глеб.

– Что сейчас с этим Маневичем-Муном?

– После закрытия фирмы Станислав Маневич организовал секту с индуистским уклоном, – ответил Глеб. – В частном доме, в Лыткарино, он организовал общину, назвав ее «Ашрам Духовного Очищения».

Маша взглянула на циферблат наручных часов. Заметив этот жест, Стас Данилов с упреком проговорил:

– Маш, ты же не веришь в эти басни с проклятием и порчей?

– Нет, – сказала Маша. – Но Старик поручил нам разобраться в этом деле, и я считаю, что мы вполне можем начать с Маневича.

– Ладно, – проворчал Стас. – Мы с Анатодем сгоняем в это Лыткарино и посмотрим, что к чему.

Маша улыбнулась и кивнула:

– Отлично, Стасис, – она быстро пробежалась пальцами по клавишам компьютера. Затем повернула монитор к Стасу и Толе. – Вот фотография Станислава Маневича. Запомните его получше.

С фотографии на оперативников смотрело бледное, худое лицо с темными, яростно сверкающими глубоко запавшими глазами.

– Запомнили? – спросила Маша.

– Такие физиономии не забываются, – ответил Стас.

– Отлично, – она вновь повернула монитор экраном к себе. – А я пока продолжу сбор информации и придумаю еще несколько правдоподобных версий. Глеб, давай сюда ключи.

Корсак достал из кармана плаща связку ключей и вложил в протянутую ладонь Маши.

– Спасибо, – сказала она. – Стас и Толя проводят тебя до выхода.

– Хорошо. Но я бы хотел сказать тебе пару слов наедине.

Маша посмотрела на Стаса, тот пожал плечами, поднялся и вышел из кабинета. Толя последовал за ним. Маша и Глеб остались одни. Несколько секунд оба молчали.

– Знаешь, – первым заговорил Глеб, – а я скучаю по нашим отношениям.

– Я тоже, – негромко сказала Маша. – Но вернуть уже ничего нельзя.

– Да, – согласился Глеб, – нельзя, – он снова помолчал. – Прости, что редко навещаю детей. В последнее время кручусь как белка в колесе.

– Ничего, переживем, – Маша вздохнула. – Пора работать, Глеб. Ты продолжишь собирать информацию по этому делу?

– Да.

– Если узнаешь что-то важное – позвони. И береги себя.

Глеб кивнул, потом шагнул к Маше и сделал неловкое движение, словно хотел поцеловать ее в щеку, но она отвернулась. Глеб немного постоял, потом резко повернулся и вышел в коридор.

4

День выдался по-настоящему весенний. Солнце светило ярко, бросая желтые лучи на свежие нежно-зеленые листья и переливаясь золотом в лужах, оставшихся после недавнего дождя.

– «Ашрам Духовного Очищения», – прочел Стас надпись на табличке, прибитой к дубовой двери. – «Община всеблагого учителя Сателиана Муна». Звучит прямо как «райские кущи».

– И не говори, – пробасил Толя Волохов. – Попробуем войти?

– Страшновато. А вдруг грехи не пустят?

Усмехнувшись, Стас протянул руку и нажал на кнопку домофона. В динамике зашуршало, затем унылый голос поинтересовался:

– Вам кого?

Капитан Данилов наклонился к домофону:

– Станислав Маневич здесь проживает?

– Здесь только мы и наш всеблагий учитель и наставник Сателиан Мун, – последовал ответ.

– Мы бы хотели с ним встретиться, – сказал Стас.

Последовала пауза, а затем:

– А вы, собственно, по какому вопросу?

– Мы по вопросу аренды здания, – пробасил Волохов.

– Это не здание, – с упреком возразил невидимый собеседник. – Это ашрам.

– А по документам числится как здание, – сказал Стас. – И оформлена аренда этого здания на Станислава Маневича. Так вы нас к нему проводите?

– Одну минуту. Сейчас я выйду на улицу.

Ждать пришлось больше минуты. Наконец щелкнули замки, и дубовая дверь приоткрылась. В проеме показалось унылое, чуть одутловатое мужское лицо. Мужчина окинул быстрым взглядом лица Стаса и Волохова и коротко им кивнул.

– Здравствуйте! – поприветствовал его Стас. – Мы бы хотели...

– Учитель дал обет молчания и ни с кем не разговаривает, – перебил мужчину.

– Боюсь, что с нами ему придется поговорить, – сказал на это Стас. – Кстати, вы сами-то кто?

– Я его верный адепт. И я не пропущу вас к учителю без его разрешения. Простите.

Мужчина попытался захлопнуть тяжелую дверь, но Волохов подставил ногу, а затем толкнул дверь своей широченной, как лопата, ладонью. Толчок казался легким, но «адепт» отлетел от двери на пару метров и плюхнулся в лужу, а сама дубовая дверь едва не слетела с петель. Волохов вошел во двор, остановился возле «адепта» и заботливо осведомился:

– Не ушиблись?

– Вы не имеете права входить сюда без ордера! – яростно воскликнул тот. – Я знаю законы!

– Вы споткнулись и упали, – добродушно пробасил Толя. – Я вошел, чтобы помочь вам. Это мой человеческий долг.

– Помочь и занести в дом, – добавил Стас, входя во двор. – Вы же не сможете дойти сами. «Адепт» вытаращил на них глаза:

– Что?

Волохов нагнулся, сгреб «адепта» в охапку, закинул на плечо и зашагал к дому.

– Отпустите меня! – закричал «адепт», пытаясь вырваться. – Вы не имеете права!

– Вам нельзя шевелиться, – сочувственно проговорил шагающий рядом Стас. – Потерпите. Помощь уже близка. Сейчас внесем вас в дом, и я тут же вызову «Скорую».

...Однако стоило Волохову и Данилову войти в дом, как ситуация стала еще более напряженной.

– Они хотят арестовать учителя! – закричал что есть мочи «адепт».

Толя снял его с плеча и как можно аккуратнее уложил на диванчик, стоявший в холле. А в следующую секунду Стаса и Толю обступила толпа мужчин и женщин в темных рубашках. В руках у некоторых из них были бейсбольные биты.

– Ребята, вы слишком агрессивны, – сказал Стас, покосившись на деревянную лестницу с резными перилами, которая вела на второй этаж. – Вам надо есть поменьше мяса.

– Убирайтесь отсюда! – закричал, вскочив на ноги, «адепт». – Мы не пустим вас к Учителю!

– Анатолий, – тихо проговорил Стас на ухо Волохову, – сможешь их задержать?

– Попробую.

– Действуй, а я пока проберусь наверх. Если станет совсем тяжело – дай залп в воздух, это их отрезвит.

В ту же секунду одна из женщин с визгом запрыгнула Волохову на спину и вцепилась ему пальцами в волосы. Толя охнул, затем шагнул к дивану и тряхнул плечами. Женщина сорвалась и упала на диван.

– Они применяют насилие! – заорал «адепт». – Вышвырните их отсюда!

Толпа религиозных фанатиков ринулась на оперативников. Толя Волохов шагнул вперед и принял удар на себя, а Стас под прикрытием его широкой спины быстро добежал до лестницы и, перепрыгивая через три ступеньки, ринулся наверх.

Когда Стас ворвался в комнату Учителя, тот стоял у раскрытого окна, явно собираясь сигануть вниз. Стас сбил его с ног, повалил на пол и уселся сверху.

– Попался! – рявкнул Стас.

– Я ни в чем не виноват! – закричал Маневич. – Вы не имеете права меня задерживать!

– Ты поцарапал мне щеку, когда я был при исполнении. А это – нападение на представителя власти.

– Что-о! И вы предъявите мне это бредовое обвинение?

– Нет. Мы предъявим тебе обвинение в убийстве депутата Бобышева. А теперь вставай. Отлежишься в камере СИЗО.

Где-то внизу громыхнул пушечный выстрел.

– Что это? – испуганно спросил Маневич.

– Мой коллега приводит твоих последователей в чувство, – с усмешкой ответил Стас. – Ну, хватит валяться, пора вставать!

5

Допрос Станислава Маневича проводила Маша Любимова. После часовой беседы с «духовным лидером и Учителем» Маша спустилась в кафе, где ее уже ждали Стас и Толя, и села за их столик. Выглядела она уставшей.

– Взять тебе кофе или чай? – поинтересовался Стас.

Маша качнула головой:

– Нет, спасибо.

– Что удалось выяснить? – спросил Волохов. – Маневич причастен к смерти депутата Бобышева?

– Думаю, что нет, – ответила Маша. – У него есть алиби. Последние трое суток он не выходил из дома и почти все время проводил со своими послушницами-любовницами. И снимал все это на видео.

– Какая мерзость, – сказал Волохов.

– Кроме того, я проверила «черную бухгалтерию» Маневича. «Ашрам» приносил ему хороший доход. А этот парень не из тех, кто рискует, ставя на карту все.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво уточнил Стас.

– Я поработала над его психологическим портретом.

Стас хмыкнул:

– И когда ты все успеваешь?

– Пока вы с Толей машете кулаками и бегаете за подозреваемыми, – в тон ему ответила Маша. – Кстати, я узнала еще кое-что интересное. Это касается люберецкой квартиры, в которой умер Бобышев.

– И что там?

– Я отследила историю купли-продажи квартиры. Так вот, этой квартирой – через подставных лиц – владел сам Бобышев. Он купил ее около года назад. Втайне от семьи.

Стас озадаченно моргнул.

– Однокомнатную халупу в Подмоскowie? Он что, в запой там уходил? Или наркоту варил? Зачем ему сдался этот сарай?

– Не знаю, но мы это выясним. А пока я покажу вам еще кое-что.

С этими словами Маша раскрыла папку, которую до сих пор держала в руках, вынула фотографию молодой женщины и положила ее на стол.

– Это жена депутата Бобышева – Ирина, – сказала она.

– Красивая, – сказал Стас, оценивающе разглядывая снимок.

– Да. Но Бобышев собирался с ней развестись. Брачный договор между Бобышевым и его женой Ириной был оформлен таким образом, что при разводе Ирина не получила бы практически ничего. А сейчас, оставшись вдовой, она получит все состояние мужа. А только официально он задекларировал две квартиры в Москве, квартиру в Майами-Бич и дом в Испании.

– Значит, у этой дамочки был отличный мотив для убийства своего мужа, – констатировал Толя Волохов.

– Да, – кивнула Маша. – Но и это еще не все. До замужества Ирина работала врачом-инфекционистом.

– То есть гипотетически она могла заразить мужа вирусом лихорадки Эбола? – уточнил Волохов.

– Слышали бы вы себя сейчас со стороны, – с усмешкой сказал Стас. – «Заразить», «инфекционистка», «вирус Эбола»... Маш, ну как ты себе это представляешь? Обеспеченная женщина тайком пробралась в какую-то лабораторию, украла там ампулу с вирусом, вернулась домой и ночью вколола эту дрянь своему мужу? Ну подумай сама – как это звучит?

– Бредово, – согласилась Маша.

– Вот именно!

– И все же проверить эту гипотезу стоит, – сказала Маша.

Стас соорил недовольную гримасу, однако проговорил:

– Ладно, проверим, если надо.

– Ты этим займешься?

– Я же сказал – проверю.

– Тогда начинай прямо сейчас.

Стас усмехнулся, вскинул руку к голове и иронично «взял под козырек».

6

Стас Данилов следил за Ириной Бобышевой уже второй час подряд. Он не собирался устанавливать наблюдение, но так уж получилось само собой. Когда он подходил к дому Ирины, она как раз выходила из подъезда и выглядела очень взволнованной, к тому же явно куда-то спешила. Стас посчитал, что не стоит брать ее в оборот прямо сейчас, и решил посмотреть, куда это Ирина так торопится.

Целый час он колесил за ней по отмытому весенним дождем городу, шурясь от солнца и отражаясь в витринах модных магазинов, в которые она заходила и которым, казалось, не было числа. Но всему приходит конец, закончилась и эта попытка. И сейчас Стас Данилов сидел в небольшом кафе, пил уже третью чашку зеленого чая и наблюдал, как Ирина Бобышева беседует с каким-то типом в паре десятков метров от него. Тип сел за ее столик десять минут назад. Сначала говорила только она, а он лишь кивал в ответ. Кивал как-то рассеянно, словно не совсем соглашаясь с ее словами, однако и не возражая открыто.

Потом незнакомец достал из кармана куртки конверт. Рука, сжимающая конверт, зависла в воздухе, словно мужчина все еще сомневался в том, следует ли ему делать то, что он делает. А потом к столику Стаса подошла официантка и, забирая на поднос опустевшую чашку, заслонила ему обзор. Стас отклонился назад и слегка вытянул шею, чтобы не потерять Ирину и ее собеседника из вида, и это движение выдало его.

Незнакомец повернул голову и мигом считал Стаса. Он сунул конверт обратно в карман куртки, что-то коротко сказал Ирине Бобышевой, тут же поднялся из-за стола и быстро зашагал к выходу из кафе.

Стас вынул из кармана пятисотенную купюру, швырнул ее на стол, обронив: «Без сдачи», затем тоже встал из-за стола и поспешил за незнакомцем.

На улице того уже не было. Стас не сразу сообразил, куда тот мог подеваться. А потом увидел угол дома, за которым начинался узкий переулок, и быстро пошел, нет – побежал! – туда.

На сердце у Стаса было беспокойно, и нехорошие предчувствия не обманули. Из-за угла донесся скрип тормозов, звук удара и вскрик. А потом оттуда на полном ходу выскочила черная «Мазда» с забрызганными грязью номерами, свернула и понеслась прочь.

Добежав до угла, Стас Данилов выхватил пистолет и осторожно заглянул в переулок. Незнакомец лежал на асфальте.

– Чёрт! – с досадой воскликнул Стас.

Он быстро подошел, присел возле окровавленного тела и потрогал пальцами его шею.

– Мертв, – мрачно констатировал Стас.

Данилов убрал руку от шеи мертвеца, посмотрел по сторонам, а затем быстро обшарил его карманы. В куртке он обнаружил тот самый конверт из плотной бумаги, все остальные карманы оказались пусты.

Стас убрал пистолет в наплечную кобуру, выпрямился и вскрыл конверт. Ухватил пальцами несколько твердых глянцевых листков, но вытащить их не успел. Что-то кольнуло его в шею, прямо под затылком. Стас машинально поднял руку к голове, но в ту же секунду почувствовал, что теряет власть над своим телом.

Конверт выскользнул из его ослабевших пальцев, ноги подкосились, Данилов покачнулся, стараясь удержать равновесие, но не удержал и рухнул на асфальт. Лежа на асфальте, Стас попытался пошевелить рукой, но тщетно. Он не чувствовал своего тела.

Перед глазами у него всё поплыло. Расфокусированным взглядом Стас увидел, как какой-то человек наклонился рядом с ним и поднял с мокрого асфальта конверт.

– Стой, – хотел сказать ему Стас, но губы и язык его, скованные параличом, остались неподвижны.

Веки Стаса сомкнулись, и он погрузился во тьму.

7

– Дружище, ты как? – заботливо спросил Толя Волохов два часа спустя, когда Стас вошел в кабинет и уселся на стул.

– В норме, – ответил тот. – Голова только тяжелая. Анатолий, сделай-ка мне чаю.

Толя тут же поднялся из-за стола и прошел к чайнику. Стас посмотрел на Машу.

– Ну? – спросил он. – Что удалось выяснить, пока я глотал таблетки и отвечал на глупые вопросы нашего врача?

Маша улыбнулась:

– Рада, что ты снова в норме, Стасис. Убитого мужчину звали Виктор Дронов. Когда-то он работал в сто шестом отделении полиции, но полтора года назад уволился из органов и чем занимался потом – неизвестно.

Толя поставил перед Стасом чашку чая.

– Держи, эксплуататор!

– Спасибо, – поблагодарил его Стас. И добавил утрированно-жалостливым голосом: – Дай бог тебе здоровья, добрый человек. – Затем снова обратился к Маше: – А что было со мной?

– В твоей крови обнаружен растительный яд, который вызывает у человека кратковременный паралич. Название я не запомнила, но оно есть в заключении, можешь посмотреть.

– Обойдусь. Что еще?

– Еще подтвердилось, что на шее у тебя – действительно след от укола.

Стас отпил чаю и облизнул губы.

– Значит, кто-то кольнул меня отравленной иглой в шею, – угрюмо констатировал он. – Но когда я вскрывал конверт, рядом никого не было. Готов в этом поклясться!

– Не хочешь же ты сказать, что тебя вырубил невидимка? – пробасил Волохов. – Или ты стал верить в магию и чудеса?

Стас скривил лицо и хотел ответить Толе что-то иронично-насмешливое, но тут дверь кабинета открылась, и в проеме показалась голова молоденького лейтенанта.

– Здравия желаю! – проговорил он, увидев Стаса, потом перевел взгляд на Машу и сказал: – Мария Александровна, мы ее привезли. Можно вводить?

– Да, – ответила Маша. – Введите.

Молодой полицейский кивнул и скрылся, а несколько секунд спустя ввел в кабинет красивую, дорого и со вкусом одетую женщину лет тридцати пяти.

– Ирина Владимировна, здравствуйте! – поприветствовала ее Маша. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Она указала на стул рядом со своим рабочим местом. Ирина Бобышева с рассеянным видом прошла к столу Маши и села на жесткий, неудобный стул. Стас и Толя переглянулись.

– Простите, что пришлось вызвать вас сюда, – сказала Маша. – Но вы сами меня вынудили, отказавшись от беседы.

– Что вам от меня нужно? – холодно осведомилась Бобышева.

– Пару часов назад вы встречались в кафе с неким Виктором Дроновым. Он собирался передать вам конверт, но в последний момент передумал и ушел.

Бобышева чуть прищурила холодные глаза:

– Вы что, следили за мной?

– Это называется «наружное наблюдение», – ответила ей Маша.

– И на каком основании?

– На том основании, что вы подозреваетесь в убийстве своего мужа, Дмитрия Бобышева. Бобышева изумленно приподняла тонкие брови.

– Вы тут что – совсем умом тронулись?! – гневно воскликнула она. – В тот момент, когда Дима умер, я была в десятках километров от него! И потом, с чего вы взяли, что его кто-то убил? Это же бред!

– Не очень-то вы похожи на скорбящую вдову, – сказал Толя Волохов, глядя на ухоженное, свежее лицо Ирины.

Бобышева не удостоила его реплику ответом.

– Ирина Владимировна, – снова заговорила Маша Любимова, и голос ее зазвучал жестко и официально, – вам придется нам все рассказать. Зачем вы встречались с Дроновым? Что он хотел вам передать?

Некоторое время Бобышева молчала, нервно поглядывая на Машу и покусывая губы, потом вздохнула и спросила:

– У вас тут можно курить?

– Нет, – ответила Маша.

– Жаль, – она снова вздохнула. – Ну, хорошо. Я вам все расскажу. Виктор Дронов – частный детектив. Я наняла его для того, чтобы он следил за моим мужем.

– И зачем вам понадобилась эта слежка? – спросила Маша.

– Дронов должен был выяснить, есть ли у моего мужа любовница.

– Вы собирались развестись и хотели уличить его в супружеской неверности?

– Да.

– В этом случае вы бы получили от него щедрые «отступные», – подал голос Стас Данилов.

Ирина Бобышева кивнула:

– Именно так.

– Что было в конверте, который Дронов собирался вам передать? – спросила Маша.

– Фотографии. Фотографии, на которых мой муж... мой бывший муж запечатлен в объятиях своей любовницы.

– Почему Дронов передумал их вам отдавать?

– Он понял, что за ним следят. Но не знал, что это вы. Да и потом, все это уже не имело смысла. Мой муж мертв, и теперь уже не важно – была у него любовница или нет.

– Ошибаетесь, – сказала Маша. – Это по-прежнему очень важно.

Ирина чуть прищурила свои холодные, красивые глаза:

– Вы что... правда думаете, что я способна убить собственного мужа?

– Я уверена, что вы на это способны, – сказала Маша. – Уверена я и в том, что у вас достаточно ума и хладнокровия, чтобы запутать следы.

– Вы ничего не сможете доказать, – презрительно проговорила Ирина. – Даже того, что я встречалась с этим частным сыщиком и что-то там ему заказывала. Мои слова против ваших. Разве не так? – Ирина улыбнулась. – Господи, да у вас даже фотографий нет. Я ведь права?

– Следствие еще не закончено, – сказала Маша. – И доказательства у нас будут.

Бобышева пожала плечами:

– Что ж, дерзайте. А я, пожалуй, пойду. У меня много хлопот, связанных с получением наследства. И знаете... – она снова улыбнулась. – ... Это очень приятные хлопоты.

Ирина поднялась со стула.

– Сядьте, – сказала ей Маша.

– Что? – не поняла Бобышева.

– Я сказала, сядьте. Мы вас задерживаем. Толя, вызови, пожалуйста, конвой!

8

После того как конвой увел вдову депутата, Маша погрузилась в долгие размышления. Стас поставил на стол чашку с новой порцией чая, подождал немного, потом сказал:

– Нужно разрабатывать версию о виновности Ирины Бобышевой. Идеальных убийств не бывает, и где-то она точно напортачила.

– Да, – сказала Маша, выходя из задумчивости. – Нужно покопаться в ее врачебном прошлом. Установить, поддерживает ли она связи с бывшими коллегами. И если да, то с какими именно. И еще: необходимо взять на анализ ее одежду. И хорошенько обыскать дом.

– Будем искать следы химикатов и лекарственных препаратов?

– Да. Но сначала проконсультируемся на эту тему с эпидемиологами, – Маша вздохнула. – На данный момент мы точно установили несколько фактов. Первый – у депутата Бобышева действительно была любовница. Второй – для встреч с ней он, видимо, и купил квартиру в Люберцах. Третий – таинственная любовница очень не хочет, чтобы кто-то ее опознал.

– Значит, нужно организовать поиски этой таинственной любовницы, – сказал Волохов.

В эту секунду дверь распахнулась и в кабинет вошел Глеб Корсак. Плащ его был расстегнут, темные волосы всклокочены, дорогой шелковый галстук съехал в сторону (впрочем, как всегда).

Глеб с ходу уселся в кресло, взял чашку чая, стоящую на столе, отпил глоток и только после этого весело проговорил:

– Всем привет! Как настроение? Надеюсь, апрельское?

– Не совсем, – прогудел Толя Волохов.

– Зря. В воздухе уже пахнет летом. Если, конечно, хорошенько принюхаться. У меня новая информация по делу Бобышева.

– Это был мой чай, – мрачно проговорил Стас, глядя на чашку, которую Глеб сжимал в руке.

– Что за информация? – спросила Маша.

– Вы уже знаете, что у Бобышева была любовница? И что для встреч с ней он купил квартиру в Подмосковье?

Оперативники оцепенели.

– Ты что, Гудини? – изумленно проговорил Волохов.

– Я журналист, – сказал Глеб. – А это гораздо круче.

– Но как ты узнал про любовницу и квартиру для встреч?

Глеб пожал плечами:

– Просто. Съездил в Люберцы, разыскал квартиру, в которой умер Бобышев, а потом прошелся по подъезду снизу доверху и расспросил соседей, – Глеб отпил еще глоток чая. – А вы чего так напряглись-то?

– Ты сделал нашу работу, – сказала ему Маша. – И сознавать это довольно неприятно.

– А ведь я тоже беседовал с соседями, – пробасил растерянный Волохов. – Но они мне ничего такого не рассказывали.

– Это потому, что ты слишком большой и страшный, – улыбнулся Глеб. – И старушки тебя боятся. А еще старушки любят подарки, например конфеты и пирожные к чаю. А ты ведь наверняка приходил к ним без подарков.

– И что тебе рассказали эти бабушки-старушки? – осведомилась Маша.

– Они видели, как Бобышев несколько раз приводил в квартиру необычную девушку. Девушка эта была невероятной красоты, с точеной фигурой и правильными чертами лица. Но самое главное – у нее была очень темная кожа. Если она и не негрятянка, то мулатка точно.

Закончив эту тираду, Глеб залпом допил чай и поставил чашку на стол.

– Любовница-негрityанка... – задумчивым и удивленным эхом отозвался Волохов.

– Может, ты и имя ее знаешь? – неприязненно глядя на наглого журналиста, уточнил Стас Данилов.

– Знаю, – сказал Глеб. – Одна из соседок слышала, как Бобышев называл ее Айна. Правда, между ними была дверь, но слух у бабушки хороший, и прижималась она к двери ухом очень плотно.

Маша прерывисто вздохнула.

– Что ж... – проговорила она, – теперь понятно, откуда в квартире взялись сушеные африканские травы. Глеб, ты сумел выяснить, кто такая эта Айна?

– Не то чтобы выяснил... Но определенные мысли и подозрения на этот счет у меня есть. Ты, конечно, знаешь, что подмосковные Люберцы – это что-то вроде нашего «блэк-тауна».

– В том смысле, что в Люберцах сосредоточено большое количество чернокожих иностранцев?

Глеб кивнул:

– Да. Когда-то я писал об этом статью. Выходцы из Африки живут в Люберцах компактной и довольно закрытой общиной. Проникнуть туда сложно. В частности, из-за того, что многие члены этой общины занимаются криминальным бизнесом.

– Я понял, куда ты клонишь, – сказал Стас. – Намекаешь на темнокожих жриц любви?

– Не намекаю, а говорю прямым текстом. Даже если я не прав, моя версия не хуже любой другой.

– Это правда, – сказала Маша. – Версия хорошая, и мы ее проверим.

Она задумалась. Немного выждав, Стас осторожно спросил:

– У тебя уже созрел план действий?

– Да, – кивнула Маша, продолжая размышлять. – План есть.

Еще немного поразмыслив, она качнула головой, как бы приходя в себя, и бодро проговорила:

– Стас, Толя, вам надо срочно раздобыть хорошие и дорогие итальянские костюмы.

Волохов и Данилов удивленно переглянулись.

– У меня уже есть костюм, – растерянно сказал Толя. – Он не итальянский, но приличный и дорогой.

Глеб хмыкнул.

– Что? – пробасил Толя, покосившись на журналиста. – Я купил его на распродаже в «Меге» за четыре тысячи рублей. Или для тебя это не деньги?

Вместо ответа Глеб посмотрел на Машу и сказал:

– Я понял, что ты задумала. И я достану пару отличных костюмов. Но вам еще понадобится хорошая машина и несколько тысяч долларов наличными.

– Ты и это сможешь достать? – уточнила Маша не без иронии.

– Смогу, – просто ответил Глеб.

9

Стас и Толя, одетые в дорогие костюмы, тщательно выбритые и причесанные, сидели в холле небольшой люберецкой фирмы, занимающейся «организацией праздников и досуга».

В холл вышел высокий темнокожий мужчина в костюме и при галстуке. В руке мужчина держал фотоальбом. Он сел в кресло и заговорил извиняющимся голосом:

– Прошу прощения за то, что заставил вас ждать, господа. Мы должны были все проверить.

Толя Волохов никак на это не отреагировал. Лишь поднес к губам чашку и отпил глоток кофе.

– Мой босс вас прощает, – сказал за него Стас. – Кстати, вы хорошо говорите по-русски.

Темнокожий посредник вежливо улыбнулся, блеснув полоской ослепительно-белых зубов.

– Я учился в московском Университете дружбы народов, – сказал он. – И у меня русская жена.

– Поздравляю, – сказал Стас. – Я слышал, что изучать чужой язык в постели – лучший способ. Так что там с нашим делом, Кирабо? Мой босс всё еще ждет.

– Кирабо, – поправил темнокожий посредник. – Меня зовут Кирабо, – он положил на стол альбом и пододвинул его к Стасу. – Здесь наши самые лучшие и самые дорогие девушки. Вы можете выбрать любую.

Стас взял альбом, открыл его и принялся листать.

– Все девушки чистые, – продолжил Кирабо, пока Стас листал альбом, разглядывая фотографии чернокожих красоток. – У каждой есть медицинские справки от гинеколога и уролога. У всех имеется опыт «эскорта».

– «Эскорт» моему боссу ни к чему, – с усмешкой сказал Стас. – Он хочет приятно провести с вашими девочками время в гостиничном номере. Сами понимаете – весна, гормоны играют, хочется безумия и страсти. Мне нравится вот эта! – Стас ткнул пальцем в фотографию очередной красотки и показал ее Толе Волохову: – Анатолий Васильевич, как вам?

– Хороша, – небрежно проговорил Волохов. – Выбери еще одну – для себя.

Он отпил кофе, а Стас ткнул пальцем в фотографию другой девушки:

– И вот эта. Они обе свободны?

– Дэйо и Ния? – Кирабо улыбнулся. – Конечно.

– Тогда мы их берем.

– Я сейчас же велю их привезти. Но для начала – расчет. С вас две тысячи долларов, господа. – Кирабо улыбнулся и развел руками: – Таковы уж правила.

– Не проблема. – Стас достал из внутреннего кармана пиджака пачку долларов, скрепленную золотым зажимом, отсчитал нужную сумму и положил на стол.

10

– Ну что, герои-любовники? – спросила Маша, едва Стас и Толя вошли в кабинет и уселись на стулья.

Стас поморщился и приложил руку к виску.

– Башка раскалывается, – доверительно сообщил он.

– Много выпил?

– Пришлось. Поначалу девчонки были напряженны и молчаливы, но спиртное здорово помогло, и нам удалось их разговорить.

– В подпитии они простодушны и болтливы, – с улыбкой сказал Волохов. – Хотя по-русски говорят с трудом. Но очень-очень забавные. Как маленькие черные кошечки.

– Хватит делиться эротическими впечатлениями, – сухо проговорила Маша. – Что рассказали девушки?

– Они знают Айну, – сказал Стас. – Они называли ее «особенной».

– В каком смысле – «особенной»?

– Мы с Волоховым толком ничего не поняли. Ее привезли из Африки недавно. Оберегали от других девушек, не разрешали им с ней разговаривать. Но в чем там конкретно дело – мы не разобрали.

– Как нам ее найти? – резко спросила Маша.

Стас поморщился и потер пальцами виски.

– Что ж ты так кричишь-то? Мне и так хреново.

– Прости. Так как нам разыскать эту Айну?

– Насколько я смог понять, Айна живет в том же доме, что и другие девушки. В съемной квартире, под присмотром телохранителей. Адрес дома мы знаем.

– Этническая «общага» для темнокожих путан? – уточнила Маша.

– Угу, что-то вроде этого. Дом находится на улице Кирова, в Люберцах. Мы с Волоховым собираемся туда сегодня навеститься.

Маша задумчиво побарабанила по крышке стола тонкими пальцами.

– Может, попробовать подключить ОМОН или СОБР? – неуверенно предложила она.

– И как ты это сделаешь? – усмехнулся Стас. – Какие предъявишь обоснования?

Маша промолчала.

– Вот то-то и оно, – сказал Стас. – Не волнуйся, Марусь. Сгоняем, разведем, что и как.

Поговорим с управдомом. Ну не съедят же они нас там, в самом деле!

Стас и Толя улыбнулись шутке, но Маша осталась серьезной.

– Не нравится мне всё это, – сказала она. – Когда вы собираетесь туда поехать?

– Да вот сейчас попьем чайку, заскочим к Старика с отчетом и поедем.

– Старика сейчас нет, – сказала Маша. – Он уехал по делам в министерство.

– Тем лучше! Тогда остается только чай.

– Не нравится мне все это, – повторила Маша. Помолчала и добавила: – Не забудьте взять с собой оружие.

Едва Стас и Толя вышли из здания, как увидели Глеба Корсака. Он стоял, прислонившись спиной к своей крутой «БМВ» представительского класса, и курил. А заметив их, тут же отшвырнул сигарету и выдвинулся навстречу.

– Опять ты, – проворчал Стас. – Слушай, ты сюда уже как на работу ходишь.

Глеб усмехнулся:

– Ну какая же тут работа? Я здесь отдыхаю душой и телом, – он окинул оперативников внимательным, пронизательным взглядом. – А вы, кажется, собрались на мальчишник? Возьмите меня с собой?

– Конечно, – сказал Стас зловредным голосом. – Может быть, там тебе наконец-то оторвут голову.

– Пусть попробуют, – улыбнулся Глеб. – Хотите, поедем на моей тачке?

Стас и Толя переглянулись.

– Поехали, – сказал Стас. – Но вести буду я.

– Да ради бога, – простодушно отозвался Глеб и подмигнул Толе Волохову.

Усаживаясь в машину, они не знали, что Маша Любимова стоит у окна и провожает их взглядом.

– Господи, пусть с ним все будет хорошо, – тихо пробормотала Маша, когда машина отъехала от здания.

И тут же покраснела, устыдившись своих слов.

11

Нужный дом они нашли без проблем. В нужный подъезд тоже вошли без проблем. Проблемы начались позже – когда навстречу им вышли из комнаты консьержей два рослых чернокожих парня в джинсах и ярких рубашках.

– Дэна хуну! – рявкнул первый, грозно вращая глазами. – Зис из прайват проперти!¹
До свиданя!

Стас и Толя не двинулись с места. Чернокожий парень подошел к Стасу вплотную и положил ему на грудь ладонь.

– До свиданя! – повторил он с угрозой в голосе. – Идись!

– Убери руку, – процедил Стас сквозь зубы, глядя африканцу в глаза. – Если не хочешь, чтобы я тебе ее сломал. Мы из полиции.

Он вынул из кармана куртки руку с удостоверением, но охранники-«консьержи» на удостоверение даже не взглянули. Однако ладонь с груди Стаса была убрана.

– Идись! – повторил африканец.

А второй добавил, глядя на Волохова:

– Уходить – нет проблем!

Стас улыбнулся:

– А теперь послушай меня, мой африканский друг. Или ты наспустишь внутрь, или я тебе такое «хуну» покажу, что...

– Стас, погоди, – Толя Волохов выдвинулся вперед. – Парни, не стоит с нами связываться, – ласково сказал он. – Мы из полиции и пришли сюда по делу. Вам проблемы не нужны, но и нам тоже. Мы просто пройдемся по этажам, осмотримся.

– Алеге багнем! – рявкнул вдруг африканец яростным тоном. Повернул голову и крикнул куда-то в глубь комнаты. – Баако! Баако, viens ici!²

Послышался скрип кожаной обивки кресла, затем – чьи-то внушительные, но быстрые шаги. Потом дверь распахнулась, и в холл из комнаты консьержей вышел третий чернокожий мужчина, такой огромный, что казался здоровенной черной каменной глыбой. Он встал перед могучим Волоховым, посмотрел на него сверху вниз выпуклыми глазами со сверкающими белками и проговорил тяжелым, гулким голосом:

– Што нада?

Толя улыбнулся и вежливо пробасил в ответ:

– Надо, чтобы ты ушел с дороги, паренек.

– Баако, jetez-le d'ici eux!³ – рявкнул самый нервный охранник и вдруг молниеносно выхватил откуда-то из-под цветастой рубашки небольшой пистолет.

В ту же секунду великан Баако схватил Волохова за грудки, оторвал его от земли и мощным рывком швырнул на стеклянную перегородку, отделяющую холл от комнаты консьержей. Стекло осыпалось градом, и Волохов рухнул на письменный стол, а затем и ниже – сквозь расколотившуюся на части столешницу, засыпаемый осколками стекла и щепками от развалившегося стола.

Толя поднялся на ноги, стряхнул с одежды мусор и посмотрел великану в глаза.

– Вот это ты зря, паренек, – ласково сказал он. Затем шагнул к двери, распахнул ее рывком, вышел в холл и, набычившись, пошел на чернокожего великана.

Стас, посвятивший несколько лет занятиям восточными единоборствами, молниеносным ударом кулака выбил из пальцев раздраженного охранника пистолет, но второй охранник ударил его кастетом в голову. Стас успел увернуться, и удар пришелся по плечу. Завязалась драка.

В пылу схватки никто не обратил внимания на то, как Глеб Корсак бесшумной тенью проскользнул в холл, затем так же тихо скользнул мимо охранников-«консьержей», открыл дверь, ведущую на лестницу, и скрылся за ней.

¹ Это частная собственность! (искаж. англ.)

² Баако, иди сюда! (франц.)

³ Вышвырни их отсюда! (франц.)

Две минуты спустя Глеб быстро шагнул по коридору общежития, пропахшему ароматами пастилки, таджина и марокканских специй.

– Айна? – кричал он. – Мне нужна Айна!

Из-за угла вывернула чернокожая девушка в ярком халате. Глеб схватил ее за руку.

– Айна? – громко осведомился он.

Девушка испуганно замотала головой. Глеб выпустил ее, но тут же схватил за плечи другую чернокожую девушку. Поняв, что пугает африканок, он сбавил тон, белозубо улыбнулся и сказал, подбавив в голос бархатистости, которая так часто выручала его в общении с женщинами:

– Мне нужна Айна! Знаешь, где она?

– Айна? – проворковала чернокожая красотка, глядя на Корсака выпученными от страха и любопытства глазами.

– Айна! Айна! – закивал Глеб, продолжая обворожительно улыбаться. – Я ее друг! Проведи меня к ней!

– К Аине не надо! – возразила девушка. – Айна плохо!

– Айна – хорошо, – заверил ее Глеб Корсак. – Для меня точно хорошо. Не бойся, твои друзья меня впустили! Видишь – я же здесь!

Еще несколько секунд темнокожая красавица размышляла, разглядывая лицо Глеба, потом кивнула и сказала:

– О'кей. Идем Айна. Гоу!

Она повернулась и повела Глеба по коридору. Из квартир, привлеченные шумом, выглядывали юные африканки и с удивлением провожали Глеба взглядами.

Наконец девушка остановилась перед дверью с покосившейся медной цифрой «27» и постучала в нее костяшками пальцев. Затем повернула латунную ручку и, распахнув дверь, отошла в сторону, впуская Глеба внутрь. Глеб вошел в комнату и едва не задохнулся от стойкого и сильного запаха лекарств и терпких незнакомых трав. Шторы были плотно задернуты.

Корсак прикрыл за собой дверь и взгляделся в полумрак комнаты. Он увидел лежащую в кровати темнокожую девушку.

– Айна! – позвал он.

– Ес, – ответила девушка, глядя на Корсака расширившимися от страха и волнения глазами.

– Я за тобой! Надо идти!

Пару секунд она молчала, а затем неуверенно пробормотала:

– Доктэ?

– Доктор, доктор, – закивал Глеб. – Идем!

Он подошел к кровати и протянул девушке руку. Секунду помедлив, она взялась за протянутую ладонь и выскользнула из-под одеяла. Одета девушка была в бежевую несвежую пижаму.

– I need to get dressed⁴, – пролепетала она слабым, хриловатым голосом.

– Не надо одеваться, – сказал Глеб. – У нас мало времени. – Опустив взгляд, он увидел, что девушка босая, и добавил: – Только обуйся! Put on shoes!

Девушка покорно сунула ноги в белые туфли-мокасины.

– Молодец, – похвалил Глеб. – А теперь идем!

И он повел ее, покорную, испуганную, за руку к двери. Но тут из-за двери донесся громкий топот, а затем и яростные крики. Глеб выпустил руку девушки, быстро приоткрыл дверь и выглянул наружу.

⁴ Мне надо одеться (англ.).

По коридору бежали двое чернокожих громил. Глеб быстро захлопнул дверь и закрыл ее на замок. Затем с грохотом придвинул к двери комод, взгромоздился на него и достал из кармана мобильный телефон. Нажал на кнопку последнего вызова, дождался ответа и быстро проговорил в трубку:

– Аллю, Маша!

Дверь затрещала от сокрушительного удара, и Глеб едва не слетел с комода.

– Маша! – снова заговорил он. – Нам со Стасом и Толей требуется подкрепление!

... На город опустились сумерки. Поднялся ветер, и перед тем как усадить Айну в машину «Скорой помощи», Глеб поправил у нее на плечах свой плащ.

Мимо него бойцы омона провели к фургону великана Баако, лапы которого были скреплены за спиной наручниками. Вид у Баако был побитый и жалкий.

– Ого! – удивился командир омовцев, стоя рядом со Стасом и восхищенно глядя на Баако. – Вот это здоровяк! Кто ж это его так отделал?

Стас отнял от синяка на скуле холодную монету и кивнул на Толю Волохова, который сидел на скамейке перед подъездом и с озадаченным и расстроенным видом пытался приладить к куртке оторванный клочок ткани.

– Этот мог, – улыбнулся командир омовцев. Он повернул голову и проследил взглядом за последним чернокожим громилкой, которого запихали в фургон. – Ну все, можно отправлять. Хотите с ними поговорить, товарищ капитан?

– Поговорю в управлении, – сказал Стас, осторожно трогая пальцами опухшую скулу.

– Добро, – согласился командир ОМОНа. – Тогда мы поехали?

– Давайте.

Командир кивнул, повернулся и зашагал к фургону. Стас взглянул на отъезжающую машину «Скорой помощи» и негромко проговорил:

– А девочка и впрямь ничего. За такую стоило побороться.

12

Всю ночь и весь последующий день лил дождь и гремела первая весенняя гроза. В ГУ МВД Глеба Корсака больше не пускали. Вечером он полтора часа просидел в баре, вслушиваясь в тихие звуки дождя, долетавшие с улицы, и потягивая свой любимый коктейль – треть стакана водки, треть – тоника и сок, выдавленный из половинки лимона. И еще – много-много льда.

В бумажнике у Глеба, в потайном отделении, была небольшая черно-белая фотография Маши Любимовой. В любой момент он мог достать ее, однако не доставал уже полгода. Просто запретил себе это делать.

Глеб размышлял о своей жизни с Машей, о причинах их разрыва, о том, что, вероятно, он слишком рано сдался, посчитав, что обязан дать Маше свободу ради ее же счастья, и что, возможно, это было ошибкой. Вчера в управлении она не выглядела счастливой. Хотя... быть может, это ему только показалось?

Глеб отпил глоток коктейля и увидел Машу. Она вошла в бар, быстро осмотрелась, заметила Глеба и направилась к нему. Выглядела, как всегда, сногшибательно – светлый плащик, белокурые волосы, взметнувшиеся вверх, подобно ангельским крыльям, спокойные темно-карие глаза.

– Привет, Глеб!

Маша села за столик, положив сумочку на соседний стул.

– Здравствуй! – сказал он. – Заказать тебе вина?

– Да, если тебе не трудно.

Глеб подозвал официанта и сделал заказ. Вскоре он принес вино. Сделав пару глотков из мерцающего бокала, Маша приступила к рассказу:

– Три недели назад Айна еще жила в Африке и «никогда не была близка с мужчиной». И даже прошла в муниципалитете обычай укухллова – обязательную проверку невест на целомудрие. В Африке ее разыскал некий русский фотограф Олег. Он пригласил девушку в Россию, пообещав ей, что она станет фотомodelью. Подкупил ее родителей, чтобы получить их согласие, и так далее.

Глеб смотрел на Машу, слушал ее голос и понимал, что хочет одного – чтобы это мгновение длилось вечно.

– Однако Олег обманул ее, – продолжала Маша. – В Москве он и еще один мужчина по имени Кирабо Пич продали Аину «богатому новому русскому» за большие деньги. Айна стала его любовницей. Этим мужчиной и был депутат Бобышев. Ты чего улыбаешься? – спросила она вдруг.

– Я? – Глеб убрал улыбку с губ. – Тебе показалось. Продолжай.

– Неделю назад, будучи в подпитии, Бобышев сильно избил ее. И тогда Айна, жаждавшая мести, решила применить магическую технику вуду, которой когда-то обучила ее бабушка. Она вылепила из пластилина куклу Бобышева и, читая молитвы, втыкала в нее иголки. Айна уверена, что Бобышев умер из-за нее, и корит себя за это. После смерти Бобышева она все рассказала своему сутенеру Кирабо Пичу... Глеб, ты снова улыбаешься!

– Правда?

– Да.

– Не обращай внимания. Наверное, я слишком много выпил. Вы рассказали Айне, что Бобышев умер от лихорадки Эбола, а не от ее дурацких иголок?

– Да. Кстати, сейчас она в больнице. Анализы показывают, что девушка тоже заражена вирусом Эбола и, по всей вероятности, именно она заразила депутата Бобышева.

Глеб нахмурился.

– Почему она до сих пор жива?

– Не уверена, что правильно все запомнила, но... В общем, врач сказал, что Айна относится к редкой группе людей, у которых в крови есть антитела к возбудителю инфекции. Поэтому лихорадка Эбола протекает у нее в достаточно легкой форме – как простой грипп. Скорей всего, симптомы болезни проявились у нее лишь несколько дней назад, поскольку был инкубационный период... Глеб, ты опять?

– Ты у меня такая умная, – сказал Глеб с улыбкой.

Маша сдвинула брови.

– Глеб, перестань!

– Нет, правда. Я всегда это знал.

– Ты и впрямь выпил слишком много коктейля. Но давай я тебе дорасскажу. Мы нашли Кирабо Пича и хорошенько на него нажали. Ты удивишься! Именно Кирабо Пич толкнул под машину частного детектива Дронова и похитил у него конверт с фотографиями. Ты слушаешь?

– Да.

Глеб неотрывно смотрел на ее лицо. Маша чуть порозовела, но сделала вид, что этого не замечает.

– Дело в том, что Дронов, проследив за депутатом Бобышевым и проведя свое частное расследование, узнал о криминальном бизнесе Кирабо Пича. И пытался шантажировать его. За что и поплатился.

– Отравленной иглой в шею Стасу выстрелил тоже Пич? – уточнил Глеб.

– Да. Он выстрелил этой иглой из африканской духовой трубки. Но... кажется, ты это и без меня знал.

– А фотограф Олег? – спросил Глеб. – Его вы нашли?

– Да.

– Он правда фотограф?

– Правда. Зовут Олег Лисицын. Делает снимки для географических журналов, а заодно поставляет в Россию девушек из экзотических стран, в которые заносит его работа.

Глеб взял со стола открытую пачку сигарет и оторвал от нее клочок серебристой фольги.

– Из Африки он привез уже восемь девушек, и всех по коммерческим визам, – продолжала рассказывать Маша, глядя на то, как Глеб сворачивает обрывок фольги в серебристую полоску. Затем отпила глоток вина и уточнила: – Что тебе еще рассказать?

– Самое главное. Я не обнаружу у себя в ближайшее время симптомы лихорадки Эбола?

Маша хмыкнула:

– Думаю, что нет. И надеюсь, что никто в городе не обнаружит. Эпидемиологи и карантинные службы отлично знают свою работу.

Глеб свернул серебристую полоску в колечко и закрутил концы.

– Дай-ка руку, – попросил он Машу.

– Что? Зачем?

– Дай – увидишь.

Маша протянула ему правую руку. Глеб аккуратно надел на ее безымянный палец колечко из фольги. Полюбовался и сказал с улыбкой:

– Тебе идет.

Маша взглянула на колечко и неуверенно улыбнулась.

– Да. Но оно мне явно маловато. – Она сняла с пальца колечко и швырнула его на стол. Колечко прокатилось по столешнице и упало на пол, однако Маша этого даже не заметила.

Она допила вино и поднялась из-за стола.

– Мне пора идти, – сказала Маша. – Рада была с тобой увидеться, Глеб. Да, и не указывай в своей статье наши имена. В общем, ты знаешь.

– Да, – отозвался Глеб, – я знаю.

Маша взяла сумочку, кивнула ему на прощанье, повернулась и зашагала прочь. Глеб проводил ее долгим взглядом, потом нагнулся, поднял с пола колечко, протер его об лацкан пиджака и сунул в карман.

– Ничего, – тихо проговорил он. – Все еще наладится.

За широким окном кафе снова громыхнул гром – настоящий, весенний. Непонятно почему, но на душе у Глеба стало светло; грусть, мучившая его много дней подряд, рассеялась и стала невесомой.

Глеб поднял со стола стакан, секунду помедлил, а потом отсалютовал окну и сделал большой глоток. После чего улыбнулся и повторил негромким, но уверенным голосом:

– Все еще наладится. Точно наладится.

Анна Данилова Гример

1

Маша Астрова трижды выходила на поклон. И каждый раз ее сердце стучало вовсе не потому, что зрители выражали ей свою любовь. Бросая взгляды в переполненный зал провинциального театра, в котором она служила, Маша не видела ничего, кроме цветной ряби, какого-то пестрого волнующегося и шумного моря внизу, за оркестровой ямой, и ей хотелось плакать.

Она все делала как во сне: принимала охапки цветов, выслушивала комплименты тех поклонников, которым удалось проникнуть за кулисы, бежала в гримерку, чтобы поскорее снять с себя все эти тяжелые юбки, тесный парик, смыть с лица густой слой грима, переодеться и поскорее вон из театра.

Такое с ней происходило впервые. Прежде все это доставляло ей только радость, она бывала счастлива, находясь на сцене и вообще в стенах театра. Сейчас же, быть может именно в этот вечер, она впервые поняла, что все-таки не театр ее единственная любовь.

Еще вчера она прогуливалась по ночным, благоухающим распутившейся сиренью улицам города, вдыхая ее аромат и наслаждаясь жизнью, в обнимку с мужчиной. Еще вчера она дышала влажным весенним воздухом, врывающимся в окно машины, увозящей ее на самую окраину города, туда, где она планировала быть самой счастливой из женщин. Еще вчера прохладный воздух из сада заполнял спальню, где было очень тихо, не считая стонов.

Словно вчера была весна, успевшая нашептать ей слова любви, а сегодня наступило мертвое межсезонье, черная дыра кошмара, разорвавшая весеннюю ткань мая. Ей позвонили и сказали, что с Германом беда, что за ним приехала полицейская машина...

– Кто вы? Что вы такое говорите?

– Меня зовут Ирина, я соседка Германа. Ваш телефон я увидела записанный на театральной программке, вы же Мария Астрова, его невеста? Знаете что, вы лучше поезжайте сразу в Ленинскую прокуратуру, фамилия следователя Сазыкин, он вам сам все и расскажет. От себя же могу сказать только одно: я не верю, что это сделал Герман.

И гудки.

Маша сразу после репетиции помчалась в Ленинский район, таксист привез ее в прокуратуру, где она нашла следователя Вадима Сергеевича Сазыкина. Молодой парень с хмурым лицом и сигаретой в зубах.

– Проходите.

– Что случилось с Германом Петровым, из Поливановки? Мне соседка позвонила, сказала, что с ним беда. Меня зовут Мария Астрова, я его... девушка.

– Вот как? Отлично. А случилось с ним... Он домработницу свою убил, Татьяну Васильевну Курочкину. Она же была и его соседкой.

– Что? Да вы с ума сошли! – воскликнула Маша, вскакивая и потрясая своими маленькими кулачками. Волосы ее растрепались, лицо покраснелось.

– Мне кажется, я где-то вас видел... – не обращая внимания на ее эмоциональный всплеск, сказал Сазыкин.

– Актриса я, – шумно вздохнув, Маша вернулась на стул и принялась нервно приглаживать свои волосы. – В драмтеатре, может, видели меня.

– Астрова, говорите? Ну, точно! И что же это вы, госпожа Астрова, пришли защищать убийцу?

– Герман – он замечательный! Я люблю его, мы собирались пожениться! Танечка... Вернее, Татьяна Васильевна была ему как родная! Она работала у него много лет, помогала по хозяйству, готовила... Как он мог ее убить? Зачем?

– Был звонок, звонила женщина и сказала, что в мастерской Германа Петрова, что живет в Поливановке, в диване лежит тело убитой им женщины, его домработницы.

– Бред... Этого не может быть! И кто звонил?

– Госпожа актриса, вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов?

– Да его же подставили!

– Разберемся...

Он не выглядел человеком, которому доставляет удовольствие мучить других людей. Видно было только, что он устал. Еще чувствовалось, что он разбирается в людях куда лучше, чем Маша. Сколько раз в этом кабинете звучали слова: «он не виноват!» Или «она не виновата!». Однако люди совершают преступления, и их близкие, друзья до последнего не верят в вероятность этого.

Но только не Герман...

– Скажите, что мне делать? Я могу с ним встретиться и поговорить?

– Нет, это исключено. Единственное, что вы можете сделать, это нанять адвоката.

– Скажите, вы же видели его... Вы же должны разбираться в людях... Зачем Герману убивать Танечку? Да еще к тому же прятать ее в диван?! Вы же даже не знаете, что это за диван!!! Авторская работа, чудесный диван с резной спинкой и шелковой обивкой! Да, там есть отделение для постели, но если бы вы знали Германа, то поняли бы, что даже в самом своем кошмарном сне он, во-первых, не стал бы никого убивать и уж тем более прятать труп в диван, над которым он работает уже больше полугода!!!

Она вышла от следователя в полубессознательном состоянии. Весь ее мир разрушился сегодня утром. Майское солнце скрылось за тучами, за окнами прокуратуры наводил уныние своими блеклыми красками серый и какой-то мертвый город.

Маша позвонила Галине, администратору театра, которая знала все и всех в городе.

– Галя, мне срочно нужен адвокат. Самый лучший.

– Самая лучшая – это Лиза Травина, она защищала Гарика, помнишь, на него хотели повесить убийство дяди?

– Да... Припоминаю что-то такое...

– Но она – очень дорогой адвокат.

– Если Гера мне позволит, я продам тот комод, который он хотел оставить для меня, для нашей спальни... Он стоит полмиллиона!

– Что, уже есть покупатель?

– Есть. Один чиновник, он еще в прошлом году приезжал, просил Геру продать этот комод... Но он сделал его как бы для себя, вернее для меня... Значит, говоришь, Лиза Травина. У тебя есть ее телефон?

– Я тебе перезвоню, когда найду. А что случилось-то?

– Галь, я тебе потом расскажу, хорошо?

2

– Можно?

В дверях адвокатской конторы «Травина & Кифер» появилась стройная девушка в черном английском костюме и черных туфельках на шпильках. Каштановые волосы ее были уло-

жены высоко, открывая чистый гладкий лоб. Огромные черные испуганные глаза с воспаленными от слез розовыми веками. Лиза сразу узнала ее. Мария Астрова, молодая и очень талантливая актриса драмтеатра.

– Ведь вы играли Машу в спектакле «Враги: история любви»? – Лиза, подойдя к ней танцующей походкой, легонько ткнула посетительницу указательным пальцем в плечо.

– Да... – пробормотала та растерянно, продолжая стоять на пороге.

– И Екатерину в «Грозе»?

– Да, все правильно... Это я. Мне нужна Лиза Травина, вернее, – она достала визитку, – Елизавета Сергеевна Травина.

– Это я. Проходите, пожалуйста. Извините, что так странно вас встретила. Просто у меня сегодня какое-то приподнятое настроение, не знаю, с чего...

Лиза была в цветастом шелковом платье, на груди был приколот букетик живых ландышей, и видно было, что она явно не расположена к работе. Словно зашла на минутку в контору, не собираясь здесь задерживаться.

– Просто весна, – вздохнула, горько улыбнувшись, Маша. – У меня вчера тоже такое же настроение было, а сегодня все разрушилось. И вокруг – темнота...

Сказала она и разрыдалась.

Лиза усадила ее в кресло, принесла воды.

– Что вы хотите? Чтобы весна к вам вернулась?

– Да... – зубы Маши стучали о стекло бокала. – Очень хочу. Хочу, чтобы исчезла вся эта чернота... Он же ни в чем не виноват!

– Рассказывайте!

Маша начала рассказывать, но после первого предложения запнулась.

– А ведь я вообще ничего не знаю!

– Кто ведет дело?

– Сазыкин.

– А, понятно. Это Вадик. Я сейчас.

Лиза вышла из приемной на крыльцо, набрала номер Вадима Сазыкина. Переговорив с ним, она вернулась к Маше.

– Значит, так. В полицию действительно позвонила какая-то женщина, у нее был пьяный голос, и она сказала, что в диване вашего Германа лежит труп его домработницы. Полиция выехала на место. Герман был дома, он спокойно работал себе в своей мастерской, а буквально в двух метрах от него, в диване, внутри, был обнаружен труп пятидесятилетней женщины, его домработницы и соседки Татьяны Васильевны Курочкиной. Вадик видел вашего Германа, сказал, что тот действительно как-то не похож на убийцу, что он тоже выглядел удивленным, вернее потрясенным... Сказал, что видел Татьяну Васильевну последний раз после обеда, когда та кипятила молоко, которое у нее, кстати говоря, убежало... Но не думаю, что за это можно убивать!

– А как ее убили? Что, застрелили прямо? – спросила Маша.

– Нет, налицо все признаки отравления. Следователь ждет результаты вскрытия. Но эксперт сказал, что, скорее всего, это цианид.

Труп в диване – это одна улика. Пузырек с остатками яда в мусорном контейнере позади дома – это тоже возможная улика, если на нем окажутся отпечатки пальцев Германа.

– Да у него в мастерской этих пузырьков – миллион! Он же краснодеревщик, у него и лаки, и какие-то смеси, растворители, я не знаю... В любой такой пузырек могли плеснуть яду, и он взял бы, думая, что это какой-нибудь лак или краска... Вот вам и отпечатки пальцев! Пока он работал в мастерской, может, включил какой-нибудь станок, было шумно... А убийца в это время пришел к нему домой, Танечка могла ему сама дверь открыть...

– Давайте рассуждать логически. Если бы посетитель пришел к Танечке, как вы ее называете, это понятно. Она, предположим, предложила ему выпить чаю, и он подлил яд в чай. И это бы означало, что она была знакома с этим человеком. Но если посетитель пришел к Герману, то Танечка могла бы предложить ему чаю или кофе только в том случае, если хозяина не было дома.

– Пожалуйста, найдите убийцу Танечки... Деньги у меня будут завтра, я договорилась, у меня покупают комод...

– Какой еще комод?

– Красного дерева. Но это неважно. Вы скажите мне, пожалуйста, сколько стоят ваши услуги...

– Этим мы займемся завтра. А сейчас предлагаю поехать к вашему Герману и поговорить с ним. Думаю, я сумею это уладить.

– У меня спектакль... Я не могу подвести всю труппу и зрителей... – заныла Маша. – И к Герману хочется. Что мне делать?

– Пойдемте, я подвезу вас в театр, а потом поеду навестить Германа. Что-то мне не нравится эта история... Думаю, что его кто-то захотел крепко подставить. Все, работаем!

3

– Герман Петров?

Герман увидел входящую в комнату молодую женщину в цветастом открытом платье. Светлые волосы, розовые губы, веселые глаза. Кто-то явно радовался наступившему теплу, весне, теплему ветру, солнцу, цветам, кто-то считал вправе наслаждаться жизнью, самыми простыми вещами и явлениями. Но только не Герман.

– Да, это я, – он недоумевал. Что может здесь делать эта очаровательная и какая-то несерьезная женщина. – А вы, извините... Я что-то не припомню.

Он сначала подумал, что это кто-то из его заказчиков пришел посодействовать, помочь, попытаться вызволить из следственного изолятора. Его заказчики были людьми небедными, некоторые из них занимали высокие посты. Слухи же распространяются быстро...

Женщина села напротив него и улыбнулась.

– Давайте знакомиться, я – ваш адвокат, Елизавета Сергеевна Травина. Меня наняла ваша подруга – Мария Астрова.

– Вот как?

– Герман, у меня очень мало времени, а вопросов – тьма! Итак. Расскажите мне, пожалуйста, все, что произошло с вами вчера. И остановитесь на ваших отношениях с вашей домработницей Татьяной Васильевной Курочкиной.

– Я был дома, работал. Танечка прибиралась, потом кипятила молоко, и оно у нее убежало. Я в мастерской, которая в шаге от дома, окна кухни распахнуты, тепло же, вот и услышал запах горелого молока. Потом мне надо было уйти, буквально до магазина, купить растворитель. Вообще-то у меня была целая бутылка, но она куда-то исчезла... А без него – как? Руки надо оттирать... Я вышел из мастерской. Открыл ворота и поехал в магазин. Вернулся, зашел на кухню, выпил чаю и зашел в мастерскую. Работал еще какое-то время, после чего услышал шум машины, в мастерскую ворвались полицейские, скрутили меня, чуть мне руки не сломали... Подвели к дивану, к моему дивану, который я сделал! Открыли его, а там – мамадарагая!!! – Танечка лежит... Не дышит. Не понимаю, кому я так насолил в жизни, чтобы меня так подставлять! Жил себе тихо-мирно, у меня девушка есть... Конечно, она намного младше меня, но у нас все серьезно... Я собирался жениться на ней!

– Может, это сделал кто-то из ее дыхателей?

– Не знаю. А как Танечку жалко! Такая безобидная женщина! Добрая, чуткая! Да она мне как родная была! Мы с ней почти пятнадцать лет вместе!

– Скажите, Герман, вот что необычного, из ряда вон произошло с вами в последнее время? Может, звонил кто или приходил? Угрожал? Навещал вас или Танечку? Может, в вашем присутствии кто-то звонил вашей Маше, и вы по ее ответам могли бы предположить, что ей звонил мужчина?

– Знаете, каждый мой день очень похож на другой, но я говорю это не в плане жалобы, а наоборот, каждый мой день был спокойным и счастливым, и я хотел бы, чтобы и дальше все так же продолжалось... У меня было все: любимое занятие, которое приносило мне, кстати говоря, хороший доход. Дом, прекрасный дом, доставшийся мне от родителей и отремонтированный мною, мой дом, понимаете? И, самое главное, меня полюбила девушка, которая как бы не из моего мира, актриса, чудесная, талантливая... Я старше ее, я вообще столяр, плотник, делаю мебель...

– Не прибедняйтесь. Я наводила о вас справки. Вы мастер, у вас золотые руки. Вы художник, а не столяр или плотник. Но я поняла вашу мысль.

– Наше чувство взаимно, понимаете? И что я теперь ей скажу? Не представляю, как это вообще могло случиться со мной? За что? Почему? Маша теперь там с ума сходит, а у нее пять спектаклей, и везде – главная роль!

– Герман, думайте, думайте! Вспоминайте!

– Ничего необычного не случилось.

– Хорошо. Вот вам моя визитка. Я поговорю с начальником следственного изолятора. Если что вспомните, он даст вам возможность позвонить. И не раскисайте! Можете написать письмо Маше, я позабочусь о том, чтобы его ей передали. Все-таки она актриса, ей нельзя волноваться, она должна верить в вас и в положительный исход дела.

С этими словами Елизавета Сергеевна Травина встала, достала из сумочки горсть шоколадных конфет и протянула Герману:

– Вот, подкрепитесь! Я в следующий раз принесу вам что-нибудь посущественнее! Или пришлю посылочку!

Она ушла, в комнате остался лишь запах ее духов. Герман подумал о том, что даже не успел поблагодарить ее за визит и теплые и ободряющие слова.

«Но она совсем, совсем не похожа на адвоката...»

4

Глафира Кифер, помощница Лизы, пухлая молодая женщина в вельветовых зеленых джинсах и белой водолазке, разговаривала с соседкой Германа, Ириной Куликовой, в ее беседке, уже вечером, при свете фонаря. Нежная гирлянда винограда обвила деревянную решетку и светилась бледно-зеленым светом. Ирина, простая женщина в красной майке и спортивных синих штанах, угощала Глафиру чаем на травах и лепешками с маслом.

– Вот уж трагедия так трагедия!!! И у кого это рука поднялась на Танечку? Да, это я позвонила Машеньке, когда узнала о случившемся. Я же видела ее, по соседству же живем, все друг про друга знаем. Герман – чудесный человек, мы все его любим. Он был когда-то давно женат, да только ничего путного из этого брака не вышло. Кажется, она его бросила, нашла себе побогаче. Вот если бы она, эта мадам, знала, каким мастером-краснодеревщиком станет ее Гера, какие вещи научится делать и сколько зарабатывать, конечно, она бы его не бросила. Но, видать, это судьба...

– И что, Герман все эти годы жил один?

– Ну да. Может, он и встречался с кем-то, но сюда не приводил. У него здесь, как бы это выразиться, святое место, что ли. Дом родительский, который он очень любит. Мастерская, станки разные... Здесь его жизнь. Вот пока не встретил девушку по душе, никого не приводил, а Машеньку привел. Она часто здесь ночевала, рано утром он ее увозил обратно в город, в театр, наверное, на репетиции. И это чудо какое-то, что я нашла номер ее телефона на программке!

– У него разбился телефон, все номера были утеряны... Маша позвонила Татьяне Васильевне, и та записала ее номер для Германа как раз на программке. Ирина, скажите, никто из посторонних к Герману не приходил? Или к Татьяне?

– Вообще-то место у нас тихое, чужаки редко заходят... Но на прошлой неделе был тут один, на машине приезжал, мой муж сказал, что машина с московскими номерами. Черная такая, большая, новая... Мужчина обыкновенной внешности, в синей рубашке и джинсах, зашел к Герману домой. Дома была Танечка. Это она мне потом рассказывала, мы еще смеялись... Спрашивал, не продается ли дом. Таня ему сразу сказала, что нет и что здесь вообще никто дома не продает. И удивилась еще, зачем ему, москвичу, дом в Поливановке! Спросить прямо в лоб не посмела, но мы с ней потом подумали, что он, может, родом отсюда, может, у него здесь родители живут, и он им хочет купить... Разные ситуации в жизни бывают. Ну, он вышел, сказал, что ходит по поселку, посмотрит, поспрашивает. Сказал, что нравится ему это место. Вроде бы город, а с другой стороны – чистый воздух и тишина. Я уж не стала ему говорить, что Поливановка – вообще-то место беспокойное, здесь же в прошлые времена бандиты жили!

– И что, больше он не приезжал?

– Таня мне больше ничего не говорила.

– Скажите, как я могу проникнуть в дом Германа? Я понимаю, конечно, что дом опечатан, и ключи у следователя, но мне очень, очень хочется помочь вашему соседу.

– Вам нужен ключ. Я поняла. Что ж, ключи от его дома находятся у Тани, я даже знаю место, где они висят. Или висели. На гвоздике в передней. Но и ее дом тоже опечатан, не так ли? – Ирина усмехнулась с видом человека, знающего куда больше положенного. – А вот ключи от Таниного дома – у меня! Господи, как подумаю, что ее, бедной, нет в живых, так оторопь берет... И за что на нас такая напасть?!

Ирина принесла ключи.

– Вот, смотрите.

– Ирина, а вы не могли бы составить мне компанию?

– Конечно... пойдете. Я с радостью вам все покажу, помогу, чем смогу.

Дом Татьяны Васильевны Курочкиной был большим, добротным, уютным. Обстановка скромная, но все вычищено, блестит, словно хозяйка целыми днями только и делала, что убиралась.

– Да, тихо здесь... – вздохнула Ирина, следуя за Глафирой из комнаты в комнату и машинально поправляя и без того лежащие в полном порядке вещи. – Танечка... Знаете, когда она была жива, в доме всегда громко работал телевизор. Она же была одинокая женщина, вдова. Вот как похоронила мужа, испытала стресс, так и стала бояться оставаться дома одна. Но жить-то как-то надо. Сначала я к ней часто приходила, ночевала у нее. А потом подсказала ей спать с работающим телевизором и с лампой.

Глафира просмотрела документы Танечки, фотографии. На вид ей было под пятьдесят, простое, с мелкими чертами лицо, короткая стрижка, добрые глаза. В шкафу висело всего несколько платьев и один-единственный костюм из синей шерсти.

– Вот в этом костюме мы с соседками и решили ее хоронить. Но пока что она в морге, экспертиза и все такое... – Ирина тихо затворила створки шкафа. – Ну, что, ничего интересного не нашли?

– Нет... Скажите, а вы присутствовали здесь во время работы экспертов?

– А, я поняла. Чашки с ложками взяли. Эксперт, дядька такой симпатичный, в возрасте, понюхал одну чашку и сразу определил, что там был яд. Пахнет, наверное, как-то по-особенному, горечью...

– Да, ее действительно отравили, – подтвердила Глафира. – Ну что ж, проводите меня теперь в дом Германа, вашего соседа. Благо ключи у нас теперь есть...

И Глафира сняла с гвоздика связку.

В доме Германа Петрова пахло лаком и свежей стружкой.

– Чуете, какой запах? Это он стол недавно смастерил и поставил в кухне, видите? У мужика руки золотые, да и сердце доброе. Знаете, мы все его любим, когда у кого-то трудности, ну, в плане денег, он всегда выручает. И никогда проценты не берет.

– Скажите, а не могло такое случиться, что его могли подставить люди, которые ему много задолжали?

– Нет. У нас если и одалживают, то отдают. Люди здесь живут нормальные, совестливые.

В доме было просторно, всюду множество светильников, новые занавески, огромный телевизор.

– Плазму вот он себе купил недавно. Это ему Танечка подсказала. Что это ты, Гера, говоришь, себе телевизор нормальный не купишь? У всей улицы уже есть, а у тебя – нет. Куплю, Танечка, сказал он и купил. Я-то знаю, зачем Танечка ему так сказала. Когда все дела сделает, все приготовит, скучно ей, вот она, поджидая его, пока он в мастерской все свои дела закончит, сидит перед новенькой плазмой и сериалы свои смотрит. Они так дружно жили! Не понимаю, кому это понадобилось убить Танечку и подсунуть Гере ее труп?!

В доме Германа Глафира тоже ничего особо интересного не обнаружила. Просмотрела все его документы, бумаги, открытки в поисках какого-нибудь московского следа – ничего.

– Знаете, он вообще-то большой аккуратист, всегда все лишнее выбрасывает, хлам у него не копится, это мне Танечка говорила. Мы-то, женщины, вечно что-то собираем, копим, складываем... А здесь, сами видите, ничего лишнего.

Выключив везде свет и заперев дом, женщины вышли на улицу.

– Смотрите, какая роскошная у Геры сирень! Какая-то персидская, что ли... Махровая, густая, а пахнет!!! Сколько вечеров они тут с Машенькой сидели, я видела их в окно... Обнимались. И мы с Танечкой радовались, ну, думаем, женится скоро наш Гера. А он, вот, загремел в тюрьму!

– Ну, до тюрьмы еще далеко, и не факт, что он туда попадет. Иначе зачем я здесь?

– Вы уж, пожалуйста, найдите того, кто убил Танечку. Тогда и Геру отпустят.

Они вернулись в беседку Ирины, поговорили еще немного о Германе, Тане, Глафира поблагодарила Ирину за помощь и вкусный чай, вернулась в машину и позвонила Лизе.

– На перекрестке, знаешь, где поворот на Поливановку, есть камера наблюдения. Надо бы посмотреть, когда в Поливановку приезжала большая черная машина с московскими номерами... – она объяснила суть дела. – Нас интересуют последние два дня перед убийством, то есть третье и четвертое мая, ну и день убийства – пятое мая! Больше, Лиза, ничего особенного в этом тихом поселке вроде бы не происходило. Может, это, конечно, и ложное направление, но кто знает... Надо бы проверить!

5

Поздним вечером, после спектакля, не зная, куда себя деть, Маша с букетами вышла из театра, вызвала такси и попросила отвезти ее в Поливановку.

Она придумала игру. Как будто ничего не произошло. Она приедет сейчас, увидит, что окна дома Геры светятся, и сердце ее забьется от радости! Она распахнет калитку, взлетит на крыльцо, и Гера, услышав шум машины и почувствовав ее близкое присутствие, откроет ей дверь, подхватит ее в свои объятия.

Как бы много она за это дала!

Но когда машина свернула в знакомый проулок, окна всех близлежащих домов светились за исключением дома Германа. Темно было и в его мастерской.

«Проведу ночь в его доме, присмотрю за ним, мало ли что», – решила она, возвращаясь в суровую реальность. Ключ от дома всегда был при ней, в сумочке. «Это тебе, – сказал Герман, отдавая ей ключ. – Ты же здесь уже хозяйка!»

Маша расплатилась с водителем, подошла к калитке, просунула руку, придерживающую охапку роз и тюльпанов, между металлических прутьев калитки, распахнула ее, прошла по темному двору, поднялась на крыльцо, открыла дверь и прислушалась. Как же было тихо! Только сверчки пели свою спокойную и красивую песню. Хорошо сверчкам, они-то друг друга не убивают.

Маша собралась было уже включить свет на террасе, как вдруг услышала шум подъезжающей машины. Подумала еще: хоть бы мимо! Но машина, судя по звукам, остановилась как раз возле ее калитки. Она поймала себя на мысли, что относится к этому дому не то чтобы как к своей собственности, но все равно с чувством ответственности за все, что принадлежит Герману. И кто это пожаловал?

Хлопнула дверь, послышались тихие шаги. Затем она услышала, как открывают калитку. Маша резко повернулась, приблизилась к двери и закрылась на замок. От страха у нее заболел живот, а колени стали слабыми, она могла рухнуть без чувств в любую минуту!

Под ногами она почувствовала что-то мягкое. Цветы!!! Она и не заметила, как они вывалились у нее из рук.

Она подошла осторожно к стеклянным окнам террасы, увидела метание света за окнами мастерской, представлявшей собой длинное вытянутое одноэтажное строение. Там кто-то был! Тот, кто приехал сюда на машине!

Убийца? Недаром же говорят, что убийц просто магнитом тянет на место преступления! Надо было срочно звонить Елизавете Сергеевне!

Дрожащими руками Маша достала из сумочки телефон, набрала ее номер.

– Добрый вечер... – шептала она в трубку. – Я нахожусь в доме Германа! Сюда кто-то приехал! Думаю, что мужчина. Он зашел в мастерскую! Что мне делать?

– Маша, где вы сами?

– В доме, заперлась. Я не успела включить свет, поэтому он не знает, что я здесь.

– Если сможете, пройдите к другим окнам дома, которые выходят на улицу, и постарайтесь увидеть номера машины! А я сейчас приеду! Хотя... На поездку у меня уйдет почти полчаса!

– Может, вызвать полицию?

– Я вам перезвоню. А пока что делайте то, что я сказала.

Маша прошла через весь дом и в окнах спальни раздвинула шторы и увидела большую черную машину, джип. Но он стоял боком. Номеров не было видно. Она достала записную книжку, ручку и решила выбраться из дома тихо, незаметно подойти к машине и записать номера.

Но когда она только щелкнула замком на входной двери, ее охватил такой страх, что вылазка к калитке показалась ей невозможной. У нее зуб на зуб не попадал.

И тут замершее в вечернем весеннем оцепенении пространство вокруг дома разорвал странный звук, похожий на сильнейший удар металлом о камень! Затем еще один! Затем еще! При каждом ударе тело Маши сотрясало. Ей, как маленькой девочке, захотелось спрятаться под кровать.

И тут же мысль, что человек, находящийся в мастерской, занят, это же он рубит что-то там, внутри помещения, а это значит, что он какое-то время точно не выйдет оттуда, толкнула ее на действия.

Она рывком распахнула дверь, выскользнула на крыльцо, пробежала между домом и мастерской, выбежала на улицу и быстренько срисовала номера в записную книжку. И так же вернулась обратно. Позвонила Травиной, продиктовала номер.

– Отлично! – услышала она. – Мы так и думали! Ты – молодец, Маша! Сиди в доме и не высовывайся! Я приеду.

И почти в то же самое время стук прекратился, послышался стук двери, Маша увидела, как мужчина в черной одежде выбегает из мастерской и скрывается за углом, потом она услышала шум отъезжающего автомобиля. И стало тихо. Только удары сердца, сильные, бухающие, заполняющие собой все звуковое пространство вокруг...

6

Адвокат Елизавета Травина и ее помощница Глафира Кифер пили кофе в своей конторе в ожидании звонка из Москвы. Коллега Лизы, Юлия Земцова, проживающая в Москве и занимающаяся частным сыском, обещала помочь найти сведения, касающиеся хозяина автомобиля, черного внедорожника Toyota RAV-4 с московскими номерами, которые, засветившись на видеокамере на повороте в Поливановку, полностью совпали с номерами машины, которые записала Маша Астрова.

Речь шла о машине, в которой находился человек, интересующийся покупкой дома Германа Петрова в Поливановке и который потом, спустя сутки после убийства Татьяны Курочкиной, разбил кувалдой цементный пол в его мастерской.

– Не мое это, конечно, дело, – начала осторожно Глаша, поглядывая на задумчивую Лизу, – но не слишком ли много задачек мы поставили перед Юлей?

– Она любит такие задачки, это во-первых, – очнулась от своих раздумий Лиза. – Во-вторых, у нее полно помощников, которые без труда сделают для нее эту работу.

Позывной скайпа заставил обеих женщин слегка вздрогнуть.

– Наконец-то! – воскликнула Лиза и нажала клавишу ноутбука, и тотчас на экране высветилось знакомое лицо Юлии Земцовой. Худенькая молодая женщина с длинными русыми волосами и милым улыбающимся лицом. – Юля, как же я рада тебя видеть! Ну, что, удалось тебе что-нибудь выяснить?

– Да, конечно. Если есть номера, то уж найти хозяина машины – пустячное дело. Итак, его зовут Юрий Петрович Костров, он владелец пяти магазинов цветов и сувениров в Химках. Проживает в многоквартирном доме на Березовой аллее. У него есть жена, Вера, и двое маленьких детей...

– Постой, ты что, ездила туда?

– Ну да, конечно. Должна же я была выяснить, какого черта ее муж делал в Саратове, найти, так сказать, саратовский след!

– И что? – хором спросили Лиза с Глафирой.

– Пришла, представилась его саратовской родственницей, сказала, что я никогда в жизни не видела своего троюродного брата Юру... Словом, неважно, что я ей наплела, главное, что она впустила меня в квартиру, угостила пирожками и сказала, что да, действительно, пятнадцать лет тому назад Юра проживал в Саратове, снимал там квартиру, а работал в тепличном хозяйстве, где-то под Саратовом. Что всегда мечтал, что у него будет либо своя теплица, либо цветочный магазин...

– Значит, все-таки Саратов... – протянула Лиза. – Отлично.

– У него есть друг, Егор Жуков, они вместе начинали в саратовской теплице, но только Юра приехал в Москву первым, потом к нему приехал и Егор, они вместе снимали квартиру в Подмоскowie, устроились на работу в тепличное хозяйство, потом взяли кредит и построили свою теплицу, где начали выращивать цветы, рассаду. Потом одну за другой начали открывать цветочные палатки, затем арендовали помещение под магазин... Словом, развернулись ребята и теперь разделились, Егор поставлял цветы и рассаду Юрию, а тот продавал в своих магазинах. Они дружат семьями – Костровы и Жуковы, у Егора тоже семья и один маленький сын.

– Жена Кострова знает, что ее муж сейчас в Саратове? Во всяком случае, ночью-то он точно был в Поливановке.

– Нет, не знает, конечно. Она думает, что он в Сергиевом Посаде, занимается закупкой керамики для своих магазинов.

– Класс! – воскликнула Глафира. – Значит, ему есть что скрывать от жены!

– Значит, у вашего Кострова прекрасная семья, бизнес процветает, однако его почему-то потянуло в нашу Поливановку...

– Он же появился здесь ночью, – произнесла Лиза и рассказала Земцовой обо всем, что случилось в мастерской Германа ночью, со слов Маши Астровой. – Мы же с Глашей приехали туда спустя полчаса после того, как он уехал, вошли в мастерскую и увидели, что пол, как раз под тем местом, где стоял диван с трупом домработницы, вскрыт. Плитка выломана, и разбит цементный пол, а рядом лежит огромная кувалда... Я позвонила Мирошкину, попросила его, чтобы он прислал экспертов для снятия отпечатков пальцев. Но мне позвонили час тому назад – ни одного отпечатка! Он работал в перчатках. Кстати говоря, и на бутылке с ядом тоже нет отпечатков... Так что нашему преступнику некогда было даже подставлять Германа...

– Очень странная история, – сказала Земцова. – Зачем ему понадобилось долбить пол? И почему прямо сейчас, когда с момента убийства прошло так мало времени?!

– Может, там клад? – предположила Глафира. – Поэтому он хотел купить этот дом?

– Лиза, тебе надо встретиться с Германом и узнать, кому раньше принадлежал этот дом, что было на месте мастерской. Может, там был просто сад и там в земле действительно было что-то зарыто?

– Юля, ты как рассталась с женой Кострова?

– Я поняла твой вопрос, милая. Конечно, я сказала, что заеду еще. Ну и, конечно, я успела ее расположить к себе. Во-первых, пришла с подарками для детей, поскольку знала, что дети у Кострова есть, во-вторых, ей самой, Верочке, подарила коробку духов плюс торт! Очень милая женщина эта Вера.

– Позвони ей и скажи, что придешь еще раз, только уже с ночевкой. И хорошо, если она тебя пустит к компьютеру, скажи, что тебе надо проверить почту... Посмотри, чем увлекался Костров, какими сайтами интересовался, хорошо?

– Обязательно, я и сама об этом думала, просто в первый приезд как-то не совсем удобно было, да и обстановку надо было проверить... А вы тогда отправляйтесь в теплицу, где работал Костров, это где-то в районе. Узнайте, какая из теплиц, причем цветочного направления, процветала в прямом смысле пятнадцать лет тому назад. Может, найдете тех, кто был знаком с Костровым.

Вечером Лиза с Глафирой уже разыскали в Энгельсском районе, в Квасниковке, женщину, теперь уже владелицу тепличного хозяйства «Подснежник», Марину Захаровну Калачеву, которая в прежние времена была рабочей по найму и очень хорошо помнила Юру Кострова и Егора Жукова, двух неразлучных друзей.

Марина Захаровна впустила незваных гостей в свой дом, предложила чаю.

– Вы, значит, Елизавета Сергеевна Травина, – сказала она загадочно. – Не знаю, зачем уж вам понадобился Юра Костров, но если уж сама Травина им заинтересовалась, значит, дело тут нечистое... Вы только, пожалуйста, оставьте мне вашу визитку, у меня к вам тоже будет одно дело...

– Марина Захаровна, расскажите о Кострове.

– Обыкновенный парнишка. Молоденький, ему было тогда двадцать пять. Симпатичный очень. Между нами говоря, у нас с ним намечались кое-какие отношения... Но я уже была замужем и все такое...

– Как получилось, что он оказался в Москве?

– Юра влюбился и собирался пожениться. У нас же преимущественно женский коллектив. Ну, мне и доложили, что наш Юрочка влюбился в девушку по имени Стелла. Редкое имя, согласитесь. Но она как будто бы замужем, и ее муж – гример в нашем драмтеатре. Но должна вот-вот развестись. После свадьбы Юра мечтал отправиться с женой в Москву и начать там новую жизнь, устроиться в теплицу, взять кредит... Вот такие у него были планы. Но все подробности я узнала уже потом, когда следом за ним засобирился Егор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.